

АНАСТАСИЯ *Вежина*

45
дней
вместе
♡

БРАЧНЫЙ
ДОГОВОР

Брак ПО ДОГОВОРУ

ОН — НЕ УДОБНЫЙ МУЖ.
НО ВОЗМОЖНО ИМЕННО ОН — МОЙ ВЫБОР

Анастасия Вежина

Брак по договору

«Автор»

2025

Вежина А.

Брак по договору / А. Вежина — «Автор», 2025

Дарина Мищенко умеет руководить крупной девелоперской компанией, справляться с кризисами и не доверять мужчинам. Но последнее условие в завещании отца ставит её перед выбором: выйти замуж за десять дней или отдать решающий пакет акций сводному брату. Артём Панов — худший кандидат на роль удобного мужа. Он смеётся над её правилами, не боится спорить и слишком хорошо замечает то, что Дарина предпочитает скрывать. А его ивент-агентство как раз переживает серьёзный финансовый кризис. Они регистрируют брак, договариваются прожить под одной крышей сорок пять дней и обещают не смешивать сделку с чувствами. Но общий дом, опасный рабочий проект и человек, пытающийся разрушить бизнес обоих, быстро меняют правила игры. Временным можно сделать договор. С настоящей близостью так не получится.

© Вежина А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анастасия Вежина

Брак по договору

Глава 1

Дарина

К девяти утра я уже успела отменить один платёж, перенести встречу с банком и выяснить, что на «Речном квартале» приняли работы, которых никто не выполнял.

День начинался обычно.

На экране в переговорной сияла будущая набережная: светлые фасады, молодые деревья, женщина с бумажным стаканчиком и ребёнок на самокате. В реальности набережная пока состояла из бетона, ограждений и людей, которые регулярно путали слово «срочно» со словом «дорого».

Я перелистнула отчёт и остановилась на фотографии участка у третьего корпуса.

— Здесь должно быть ограждение, — сказала я.

Руководитель проекта посмотрел на снимок, потом в свои бумаги.

— По акту оно установлено.

— На фотографии его нет.

— Снимали до монтажа.

— Время съёмки указано внизу. Через шесть часов после приёмки.

Он замолчал.

Евгений сидел справа от меня и неторопливо крутил ручку. На нём был тёмно-синий костюм, который выглядел так, будто его гладили отдельно от владельца. Мой сводный брат любил производить впечатление человека, которого невозможно застать врасплох. Иногда мне хотелось проверить это пожарной тревогой.

— Мы теряем сроки, — сказал он. — Если сейчас остановить монтаж, открытие придётся переносить.

— Если сейчас не остановить монтаж, потом придётся объяснять, почему мы заплатили за пустое место.

— Речь о нескольких секциях.

— Речь о подписи нашей компании.

Я повернулась к финансовому директору.

— Платёж поставщику заморозить до повторной приёмки. На объект сегодня поедет другая комиссия. Отчёт жду к вечеру.

Она кивнула и сделала пометку.

Евгений чуть откинулся в кресле.

— Ты опять перестраховываешься.

Я закрыла папку.

— Именно за это мне платят.

Дальше спорить он не стал. Остальные тоже поняли, что совещание закончено. Люди быстро собрали ноутбуки и вышли, унося с собой запах кофе, бумаги и облегчения.

Я осталась за длинным столом одна.

Почти.

Евгений не двинулся с места.

У двери стоял Павел Захаров — доверенное лицо моего отца. Он держал тонкую серую папку, и одного её вида оказалось достаточно, чтобы у меня неприятно сжалось под рёбрами.

После смерти отца Павел появлялся редко. Обычно тогда, когда прошлое решало напомнить, что оно всё ещё имеет доступ к моему расписанию.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

Евгений положил ручку на стол.

— Я останусь.

Павел не возражал. Значит, разговор касался нас обоих.

Мы перешли в мой кабинет. За стеклянной стеной шла обычная жизнь: секретарь отвечала на звонок, курьер оставил коробку у стойки, кто-то торопился к лифту. Мне всегда нравилось это движение. Пока люди работали, проблемы можно было раскладывать на задачи.

Павел сел напротив и положил папку между нами.

— Год после смерти Бориса истёк, — начал он. — Сегодня вступило в силу последнее условие передачи его пакета акций.

Я посмотрела на серый картон. На секунду вспомнилась отцовская рука на такой же папке: широкие пальцы, тяжёлые запонки, привычка постукивать ногтем по краю, пока собеседник не соглашался.

Память пришла слишком ясно и не вовремя.

Я убрала ладони под стол.

— Девятнадцать процентов? — спросила я.

— Да.

У меня было тридцать четыре. У Евгения — сорок семь. Девятнадцать процентов отца решали, кто получит контроль над компанией.

Я знала это весь последний год. Не знала только, какую последнюю задачу он придумал для меня после собственной смерти.

Павел открыл папку.

— Условие простое. Ты должна зарегистрировать брак до десятого дня, считая сегодняшний первым. И прожить с мужем по одному адресу до пятидесятого дня.

Я ждала продолжения.

Его не было.

— Всё? — уточнила я.

— Всё. Если условие выполнено, пакет переходит тебе. Если нет — Евгению.

За окном медленно проплыло облако, и кабинет на секунду стал темнее.

Отец учил меня читать отчёты, проверять людей и никогда не принимать важное решение из страха. А потом оставил мне условие, которое сводилось к одному: найди мужчину, иначе потеряешь компанию.

— Он решил выдать мне мужа вместе с акциями? — спросила я.

Павел устало провёл пальцем по краю папки.

— Борис считал, что ты привыкла всё делать одна. Он хотел, чтобы рядом появился человек, с которым тебе придётся делить ответственность.

— Для этого существуют партнёры и заместители.

Евгений улыбнулся.

— Их ты можешь уволить.

Я выдержала его взгляд.

— Мужья тоже не бессрочные.

Улыбка исчезла.

Павел продолжил, не давая разговору сорваться:

— Я не собираюсь убеждать тебя, что условие справедливое. Моя задача — проверить три факта: официальный брак, общий адрес и отсутствие развода до пятидесятого дня.

— Когда Евгений узнал?

— Вчера вечером. Он указан вторым получателем.

Конечно. У него была ночь, чтобы привыкнуть к будущей победе. У меня — рабочее утро и сорок минут до встречи с банком.

Евгений встал и подошёл к окну.

— Ты можешь просто отказаться, Дарина. Компания всё равно останется в семье.

— В твоих руках.

— В стабильных руках.

Я вспомнила пустое место на фотографии и подпись под актом.

— Сегодня я уже видела твоё представление о стабильности.

Он повернулся ко мне. На этот раз спокойствие далось ему не так легко.

— Ты не найдёшь мужа за десять дней.

— За девять, — поправила я. — Сегодня я занята.

Павел поднял брови, но промолчал.

Я попросила прислать мне короткую выписку с условиями и закрыла разговор. Евгений ушёл первым. В дверях он задержался, словно хотел пожелать удачи, но решил не портить себе настроение.

Павел остался.

— Дарина, тебе не обязательно решать это сейчас.

— Уже решила.

— Борис был уверен, что действует ради тебя.

Я посмотрела на папку.

— Он часто путал «ради меня» и «вместо меня».

Павел кивнул. Спорить он не стал.

Когда дверь закрылась, я наконец позволила себе опереться на спинку кресла.

Телефон мигал сообщениями. На объекте ждали решения. Банк просил подтвердить встречу. Помощница напомнила про обед с городским комитетом. Мир не остановился из-за того, что мой покойный отец решил устроить мне личную жизнь.

Рабочий день хотя бы не оставлял времени сидеть и смотреть на серую папку.

До встречи с банком оставалось слишком мало времени, чтобы отменять её, и слишком много, чтобы продолжать сидеть. Я вернулась к рабочему столу, открыла презентацию и попыталась сосредоточиться на цифрах.

Через пять минут помощница принесла исправленный график по набережной. Я нашла две ошибки, дала короткие распоряжения и только после её ухода поняла, что поставила подпись отца там, где требовалась моя. Рука сама повторила знакомый росчерк, который я видела на сотнях документов.

Я перечеркнула подпись, взяла новый лист и несколько секунд смотрела на испорченный.

Отец всегда говорил, что личное не должно мешать работе. Даже сейчас ему удалось нарушить собственное правило.

На встрече с банком я говорила о сроках, денежных потоках и гарантиях проекта. Собеседники ничего не заметили. Они получили точные ответы, обновлённый график и обещание прислать документы до конца дня. Только я знала, что в блокноте рядом со словом «финансирование» записано: «проверить семейное положение кандидата».

После встречи я отменила обед: сидеть напротив чужих людей и обсуждать городские проекты, пока в голове перебирались возможные мужья, казалось уже слишком абсурдным.

Я открыла календарь и поставила задачу: «Найти мужа».

Она встала между «сверить смету» и «утвердить фасады».

В другом настроении я бы, возможно, рассмеялась.

Затем открыла новую таблицу. В первой колонке написала: «Свободен». Во второй: «Финансово независим». В третьей: «Не связан с компанией». В четвёртой: «Умеет соблюдать договорённости».

Пятая появилась после короткого раздумья: «Не пытается мной управлять».

Список возможных кандидатов закончился раньше, чем я успела его начать.

Бывшего жениха я исключила сразу. Один деловой знакомый был женат, другой слишком любил прессу, третий однажды объяснял мне, что успешной женщине полезно иногда «отпускать контроль». Произносил он это в ресторане, где не мог выбрать вино без совета сомелье.

Через десять минут таблица оставалась пустой.

Сама свадьба была простой частью задачи: подписи, кольца, несколько фотографий для приличия. Гораздо хуже выглядело продолжение.

Чужие ботинки в моей прихожей. Чужая чашка рядом с моей. Мужчина, который знает, во сколько я возвращаюсь, замечает бессонную ночь и имеет право спросить, почему я опять ужинаю сыром над раковиной.

Моя квартира была единственным местом, где от меня ничего не требовали. Там не было совета, подрядчиков, семейных условий и Евгения. Я могла оставить книгу раскрытой на диване, выключить телефон и не объяснять тишину.

Теперь в эту тишину предстояло поселить постороннего человека.

Вот она, настоящая цена отцовского условия.

Не церемония и не сплетни.

Общая кухня.

Я добавила ещё одну колонку: «Способен жить рядом и не заполнять собой всё пространство».

Таблица по-прежнему оставалась пустой. Я сохранила её, хотя сохранять там пока было решительно совсем нечего.

Я закрыла ноутбук и по привычке потянулась к телефону. Палец остановился над именем отца, которое я так и не удалила из контактов.

На мгновение всё внутри сбилось. Совсем немного — один пропущенный удар, одна глупая надежда, будто можно позвонить и потребовать объяснений.

Потом экран погас.

Я убрала телефон в сумку и поехала к Ксении.

Её галерея находилась в старом особняке недалеко от офиса. Внутри пахло кофе, краской и чем-то горелым. Половина светильников над новой выставкой мигала, а сама Ксения стояла на стремянке и спорила по телефону с электриком.

Увидев меня, она закончила разговор словами:

— Если он ещё раз скажет, что «так бывает», я выставлю счёт за концептуальный мрак.

Она спустилась и внимательно посмотрела на меня.

— У тебя лицо человека, который уже уволил кого-то до обеда.

— Пока нет.

— Значит, день хуже обычного.

Мы дружили со второго курса. Ксения знала, когда можно шутить, а когда лучше сначала налить кофе. На этот раз она молча протянула мне стакан.

Я села на край подоконника и пересказала условие отца. Без деталей о пакетах и распределении голосов. Только суть: десять дней на брак, ещё сорок — на совместную жизнь, иначе компания уйдёт Евгению.

Ксения слушала, не перебивая. Это случалось так редко, что я почти испугалась.

— То есть тебе действительно нужен муж, — сказала она наконец.

— Временно.

— Мужья редко бывают временными в удобном смысле.

— Мне нужен человек, который понимает условия.

— И не влюбится?

— Это не входит в список рисков.

Ксения отпила кофе и посмотрела на меня поверх стакана.

— Конечно. Главный риск — неправильное оформление расходов на продукты.

— В том числе.

Она прошла по залу, поправила табличку под одной из картин и задумалась.

— Из твоего круга никого брать нельзя. Половина захочет войти в компанию, вторая половина — в новости.

— Я уже пришла к тому же выводу.

— Нужен мужчина со своим делом. Чтобы ему не требовалась твоя фамилия. Достаточно взрослый, чтобы не играть в спасителя. И достаточно ненормальный, чтобы согласиться на сорок пять дней.

— Очень обнадеживающий портрет.

Ксения улыбнулась. Я сразу насторожилась.

Она улыбалась так только перед тем, как предложить идею, которая казалась ей блестящей и почти наверняка создавала мне проблемы.

— Я знаю одного.

— Нет.

— Я ещё не сказала кого.

— Это неважно.

— Артём Панов.

Имя прозвучало неожиданно подходяще.

Я видела Артёма всего несколько раз. Он владел небольшим агентством, умел спасать мероприятия, которые уже считались проваленными, и разговаривал со мной так, будто должность генерального директора была обстоятельством, а не диагнозом.

Это раздражало.

В прошлый раз он появился на деловом приёме за двадцать минут до начала, обнаружил, что ведущий потерял голос, а главный экран показывает меню соседнего ресторана. Через четверть часа экран работал, гостям раздали карточки для импровизированной игры, а ведущего заменил сам Артём. Никто, кроме организаторов, так и не понял, насколько близко всё было к провалу.

Он не суетился и не пытался понравиться каждому. Видел проблему, быстро собирал людей и не повышал голос.

Редкое сочетание.

Ещё реже встречался мужчина, который после успешного вечера не объяснял мне, как он всех спас.

Я не знала, согласится ли он. Не знала даже, свободен ли. И был ли готов слушать.

В пустой таблице наконец появилась хотя бы одна строка.

И, возможно, единственный человек, которого стоило спросить.

Глава 2

Артём

В шесть вечера в нашем офисе пахло остывшей пиццей, мокрыми куртками и деньгами, которых у нас не было.

Марина сидела на краю стола и листала выписку по счёту. Каждый новый лист делал её лицо спокойнее. У Марины это был опасный признак. Когда она начинала кричать, ещё можно было спорить. Когда говорила тихо, спор обычно уже проигран.

За стеклянной перегородкой сотрудники собирали оборудование для завтрашнего открытия выставки. Кто-то проверял свет, кто-то складывал кабели, дизайнер печатал карточки, потому что типография опять перепутала время доставки. Обычный вечер в агентстве. Почти уютный, если не смотреть на банковское приложение.

— Через три недели первый крупный платёж, — сказала Марина. — На счёте половина нужной суммы. Ещё через десять дней зарплата.

Я подвинул к ней коробку с пиццей.

— У нас есть сырная поддержка.

— Ты обещал реальный план.

— Это часть плана. Голодные люди принимают решения хуже.

Она закрыла выписку.

После сорванного фестиваля прошло два месяца. Мы до сих пор не получили остаток оплаты, потому что часть оборудования не приехала, а сцена в день открытия простояла без света почти час. Заказчик удержал деньги, поставщик отказался признавать вину, банк напомнил о кредите. Получился аккуратный круг, в центре которого стояли мы.

Я хранил папку с документами в нижнем ящике: и без того видел её слишком часто.

— Завтрашнюю выставку не провалим, — сказал я.

— Выставка Ксении не закроет долг.

— Зато даст нам месяц работы с галереей и рекомендации трём новым клиентам.

— Если всё пройдёт хорошо.

— Поэтому я сейчас еду туда.

Марина посмотрела на часы.

— Ты должен был быть там сорок минут назад.

— Я отправил техников.

— А Ксения звонила пять раз.

Телефон на столе завибрировал в шестой.

Я взял трубку.

— Скажи, что ты уже подъезжаешь, — потребовала Ксения вместо приветствия.

— Я уже подъезжаю.

— Ты стоишь в офисе. У тебя эхо от пустого холодильника.

— Через пятнадцать минут буду.

— Через пятнадцать минут у меня либо появится свет, либо новое направление в искусстве.

Связь оборвалась.

Марина сунула выписку мне в руки.

— По дороге придумай, что мы будем делать с агентством.

— Продолжать работать.

— Это не план, Артём.

Я сложил листы и убрал в ящик стола. В нём уже лежали договоры, письма из банка и папка с документами по фестивалю. Слишком много бумаги для одного неудачного вечера.

— Я найду деньги.

— Где?

— Пока не знаю.

— Тогда сегодня не обещай команде, что всё будет хорошо.

Я посмотрел через стекло. Ребята спорили, как уложить стойки в машину, и смеялись над чем-то своим. Некоторые работали со мной с первого года. Они знали, что у нас сложности, но не знали масштаба.

— Сегодня не буду, — ответил я.

Марина кивнула. Этого ей хватило.

Перед уходом я прошёл по офису. Проверил список оборудования, перенёс два утренних звонка и попросил никому не заказывать новый декор без согласования Марины. Обычно мои прогулки между столами заканчивались десятком вопросов и тремя шутками. Сегодня люди спрашивали меньше. Они тоже чувствовали, что разговоры в кабинете стали тише.

У двери меня остановила девушка из команды и показала макет следующего мероприятия. Я нашёл ошибку в дате, похвалил идею и не сказал, что через месяц нас может уже не быть в этом офисе. Марина была права: обещать благополучие я сегодня не имел права. Но и отнимать у людей рабочий вечер заранее не собирался.

На парковке я увидел старый фургон агентства с вмятиной на двери. Мы купили его в первый год, когда на счёте едва хватало на бензин. Тогда закрытие казалось невозможным: мы слишком много работали, чтобы всё могло закончиться. Теперь я знал, что усилия не всегда превращаются в результат. Иногда они лишь делают поражение дороже.

До галереи я добрался за двадцать минут. Пробки в Москве обладали редким чувством справедливости: им было одинаково безразлично, опаздываешь ты на свидание, операцию или открытие выставки.

У входа стоял наш фургон. Задняя дверь была распахнута, внутри валялись пустые кофейные стаканы и коробки от светового оборудования. Из здания выбежал техник.

— Слава богу.

— Не преувеличивай мои полномочия. Что случилось?

— Старая проводка. Когда включаем весь свет, выбивает левое крыло. Электрик галереи говорит, до утра не починит.

До открытия оставалось чуть больше часа.

Внутри половина зала тонула в полумраке. На стенах висели яркие полотна, люди таскали стойки и бутылки с водой, под потолком беспомощно мигали светильники. Ксения стояла в центре, прижимая телефон к уху, и смотрела на всех так, будто выбирала первую жертву.

Рядом с ней была Дарина Мищенко.

Я видел её раньше дважды — на деловом приёме и презентации будущей набережной. В обоих случаях она выглядела так, словно знала расписание не только вечера, но и людей вокруг. Сегодня на ней были тёмные брюки, светлая блузка и пальто, перекинутое через руку. Она не вмешивалась, но следила за тем, кто куда идёт и что несёт.

Дарина заметила меня. Взгляд задержался на секунду, потом вернулся к погасшему потолку.

— Наконец-то, — сказала Ксения. — Сделай что-нибудь.

— Очень точное техническое задание.

Я попросил отключить всё оборудование и собрал команду у щитовой. Проблема оказалась проще, чем выглядела, и хуже, чем хотелось. Старые линии не выдерживали нагрузку. Починить их за час было невозможно. Можно было только перестроить весь свет.

Я быстро нарисовал новый план на обороте старой схемы. Работать предстояло не быстрее, а точнее: если все одновременно бросятся спасать свет, через полчаса мы получим хаос и сломанную экспозицию. Одну группу я отправил переносить панели, вторую — освобождать

проходы, третью — искать всё автономное оборудование, которое можно было запитать без старой сети.

Мы разделили зал на три зоны. В центральной оставили стационарные лампы. В боковую перенесли наши аккумуляторные панели, которые предназначались для фотозоны. Тёмный коридор решили использовать как часть маршрута: посетители должны были пройти через него к самой яркой работе выставки.

— Но фотозона останется без света, — напомнил техник.

— Уберём фотозону.

Ксения услышала и подошла ближе.

— Спонсор заплатил за неё.

— Тогда перенесём туда зеркала и свечи на батарейках. Снимки будут лучше, чем под холодными панелями.

— Это безопасно?

— Настоящего огня не будет.

Она посмотрела на погасший зал, потом на меня.

— Делай.

Через десять минут все снова двигались. Я переставлял задачи, звонил прокатчикам, держал стремянку и один раз сам полез под потолок, хотя Марина запрещала мне приближаться к проводам после истории с новогодней гирляндой. Ксения переименовала тёмный коридор в «переход между состояниями» и успела напечатать новые таблички. Художник, узнав о переменах, заявил, что всё так и задумывал.

Дарина сначала наблюдала. Она не предлагала советов и не задавала вопросов, на которые у меня не было времени. Это отличало её от большинства руководителей, случайно оказавшихся рядом с монтажом: те либо исчезали, либо начинали руководить людьми, чьих имён не знали.

Потом она сняла пальто, подхватила коробку с каталогами и перенесла её к новому входу. Я хотел сказать, что гости обычно не работают на монтаже, но промолчал. Она и без меня знала, что делает.

Когда один из официантов чуть не поставил поднос на неустойчивую тумбу, Дарина остановила его и позвала техника. Под ножкой обнаружили трещину.

— Её уберём, — сказала она.

— Она входит в композицию, — возразил художник.

Дарина посмотрела на него так, будто тот предложил включить трещину в смету.

— Тогда композиция сегодня будет короче.

Он повернулся ко мне, ожидая поддержки.

— Я за искусство, которое не падает на гостей, — сказал я.

Тумбу унесли.

За двадцать минут до открытия свет заработал. Не так, как было нарисовано в плане, зато зал перестал походить на место аварии. Тёмный коридор действительно оказался удачным: люди замедлялись, а затем выходили к большой красной картине, освещённой ярче остальных.

Ксения встала рядом со мной и выдохнула.

— Я тебя ненавижу.

— За спасённую выставку?

— За то, что теперь ты снова будешь рассказывать, какой ты незаменимый.

— Я обычно жду, пока это скажут другие.

Дарина стояла у входа и поправляла стопку каталогов. Услышав, она едва заметно улыбнулась.

Открытие началось вовремя.

За несколько минут до первых гостей ко мне подошёл молодой техник и признался, что утром не проверил нагрузку на линии. Он говорил быстро и уже готовился услышать, что завтра может не приходить.

Я попросил его после открытия составить нормальную схему подключения и больше не ставить подпись под тем, чего не проверял. Ошибка стоила нам часа и пары седых волос Ксении, но увольнение не возвращало свет. Парень кивнул и ушёл к пульту.

Дарина видела разговор. Ничего не сказала, только чуть дольше задержала взгляд.

Первый час я почти не останавливался: встречал гостей, проверял звук, менял порядок коротких выступлений, следил за официантами. Полочка света осталась нашей внутренней тайной. Посетители фотографировались в зеркальной зоне и хвалили «неожиданное решение». Спонсор был доволен. Ксения тоже, хотя признаваться не собиралась.

Дарина не уехала. Она разговаривала с художником, потом с двумя гостями, иногда наблюдала за залом. Я ловил её взгляд чаще, чем требовала вежливость. Красивых женщин на открытиях хватало. В Дарине цепляло другое: внимание человека, который не расслабляется даже с бокалом воды в руке.

Когда официальная часть закончилась, я сначала прошёл по залу с командой. Мы отметили, что нужно вернуть прокатчикам, проверили температуру панелей и составили список работ на утро. Только после этого я позволил себе посмотреть на телефон. Марина прислала фотографию банковского письма и два слова: «Срок подтвердили». Настроение, которое почти выправилось вместе со светом, снова опустилось.

Я убрал телефон и нашёл Дарину возле окна.

— Вы проверяете, не исчезла ли ещё одна тумба? — спросил я.

— Проверяю, всегда ли вы работаете.

— Как?

— Сначала опаздываете, потом делаете вид, что всё было частью замысла.

— Я не опаздываю. Я даю другим возможность проявить себя.

Она посмотрела на меня без улыбки, но в глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Вы хорошо организовали людей.

Комплимент прозвучал почти официально. От Дарины Мищенко это, вероятно, считалось бурной благодарностью.

— Спасибо. Вы тоже неплохо командовали художником.

— Он собирался оставить треснувшую тумбу.

— У каждого своё представление о риске.

К нам подошла Ксения, сообщила, что уходит провожать спонсора, и слишком выразительно посмотрела на Дарину. Та проводила её спокойным взглядом.

Я запомнил этот обмен, но спрашивать не стал.

Через полчаса гости начали расходиться. Ксения получила первые фотографии, спонсор подтвердил участие в следующей выставке, а художник уже рассказывал знакомым, что тёмный коридор был его идеей. Я не возражал. В нашей профессии успех часто принадлежал тому, кто быстрее придумал красивое объяснение.

Команда устала, но напряжение ушло. Я заказал всем еду за счёт агентства, хотя Марина позже непременно спросит, какой строкой бюджета это считать. Иногда людям требовалось простое доказательство, что их вечер заметили.

Пока ребята собирали лишние бокалы, я поймал себя на том, что ищу Дарину взглядом. Не ради клиента и не из-за Ксении. Мне хотелось понять, зачем она осталась до конца. Люди её уровня обычно появлялись на готовом событии и исчезали раньше десерта. Дарина перенесла коробки, заметила опасную тумбу и наблюдала за разговором с техником так внимательно, будто проверяла не мероприятие, а меня.

Она подошла сама.

— У вас есть десять минут?

— Для вас найду одиннадцать.

— Нужен закрытый разговор.

Она указала на маленький кабинет Ксении. Я открыл дверь и пропустил её внутрь.

Комната была тесной: стол, два стула, каталоги на полках и старый торшер. Снаружи доносилась музыка. Дарина закрыла дверь, но не села.

— Я хочу сделать вам предложение, — сказала она.

— По выражению лица не похоже, что приятное.

— Оно необычное.

Я прислонился к столу. Она держалась уверенно, но пальцы слишком крепко сжимали ремешок сумки.

— Я слушаю.

Дарина посмотрела мне прямо в глаза.

— Вы готовы жениться через несколько дней?

Я решил, что неправильно расслышал. За дверью кто-то рассмеялся, звякнули бокалы, музыка стала громче.

— На вас? — уточнил я.

— Именно.

В этот вечер я приехал спасать выставку. Оказалось, это была самая простая часть дня.

Глава 3

Дарина

Утром я обнаружила, что предложение руки и сердца проще сделать, чем объяснить.

Ночью я дважды просыпалась и проверяла телефон, хотя Артём не обещал ответить сообщением. Потом составляла список альтернатив. К шести утра в нём было четыре мужчины, и каждый отпал ещё до завтрака. Один был связан с банком Евгения, второй состоял в отношениях, третий слишком интересовался моей компанией, четвёртого я не смогла представить в своей квартире даже на десять минут.

Артём оставался единственным человеком, чьё присутствие рядом казалось сложным, но не опасным. Основание для брака было слабым — и всё же лучшим из доступных.

Он не ответил ни «да», ни «нет». Посмотрел на меня так, словно ждал признания в розыгрыше, а потом предложил встретиться утром в месте, где будут кофе, стол и достаточно времени для вопросов.

Я выбрала небольшую переговорную в галерее Ксении. Она находилась между нашими офисами и не принадлежала ни одному из нас. Нейтральная территория казалась разумной. Здесь ни у кого не было преимущества хозяина. Ксения, узнав причину бронирования, пообещала не подслушивать и оставила на столе вазу с белыми цветами. Я убрала её на подоконник.

Артём пришёл вовремя. Без пиджака, в тёмной рубашке и с папкой под мышкой. Папка удивила меня больше всего.

— Доброе утро, — сказал он. — Я подготовил список причин, по которым это плохая идея.

В списке было двадцать пунктов. Два последних касались налогов и, по моему мнению, к браку отношения не имели. Артём считал иначе и выглядел слишком довольным собственной подготовкой.

Он сел напротив. На столе лежали два кофе, вода и блокнот, который Ксения оставила вместе с запиской: «Для списка причин не убить друг друга». Записку я убрала до его прихода.

Я открыла ноутбук, но экран оставила тёмным. Вчерашний разговор мог выглядеть импульсом. Сегодня всё должно было быть ясно.

Я объяснила условие отца: девять оставшихся дней на регистрацию, совместная жизнь до пятидесятого дня, девятнадцать процентов и Евгений в качестве второго получателя. Артём слушал без привычной улыбки. Несколько раз задавал короткие вопросы, но не пытался поймать меня на неточности.

Когда я закончила, он провёл пальцем по краю папки.

— Почему я?

Вопрос прозвучал без флирта. Я ответила так же прямо.

Он был свободен, имел собственное дело, не зависел от моей компании и сохранял голову, когда всё шло не по плану. Вчера он не ограничился тем, что спас мероприятие: сначала разобрался, кто на что способен, затем распределил работу и не стал унижать техника, который ошибся.

— Вы наблюдали за моими разговорами? — спросил Артём.

— Я наблюдала за тем, как вы принимаете решения.

— Это звучит ещё тревожнее.

Я проигнорировала замечание.

— Кроме того, вы не пытаетесь произвести на меня впечатление.

— Теперь придётся стараться меньше.

— Это возможно?

Он усмехнулся и открыл папку.

— Теперь о том, что получу я.

Я была готова к этому.

— Ваше агентство нуждается в финансировании. Я могу организовать встречу с независимым инвестором и предоставить подтверждение будущих заказов, если они реальны. Решение он примет после проверки. Деньги получит агентство, не вы лично.

Артём откинулся на спинку стула.

Он уточнил главное: личной платы не будет, долг я не обещаю закрыть, а инвестор может отказать. Я подтвердила всё и добавила, что до регистрации Артём вправе выйти из договорённости без штрафа и обязательств передо мной.

— Марина должна увидеть условия, — сказал он.

— Кто такая Марина?

— Мой партнёр. Половина агентства принадлежит ей. Любое решение, которое влияет на бизнес, касается и её.

Это был хороший ответ. Неудобный, но хороший.

— Согласна.

— И ещё. Я не беру личные деньги за брак. Ни сейчас, ни после.

— Это уже установлено.

— Хочу услышать, что вы понимаете разницу. Иначе однажды в ссоре вы скажете, что купили меня.

Мне не понравилось, насколько легко я представила такую ссору.

— Не скажу.

— Запишем.

Он открыл чистую страницу. Почерк оказался неожиданно аккуратным.

Мы перешли к условиям.

Я ожидала, что самая неприятная часть будет связана с деньгами. Ошиблась. Гораздо страннее оказалось обсуждать, кто первым пользуется ванной, можно ли входить в комнату без стука и что делать, если один возвращается после полуночи. Эти вопросы превращали условие отца в быт. Вчера муж был строкой в задаче. Сегодня у него появились ключ, полотенца и право попросить меня не проводить рабочие звонки за стеной в два часа ночи.

Жить предстояло в моей квартире. У меня была гостевая комната с отдельной ванной. Артём не возражал, но попросил ключ и право закрывать дверь. Расходы делились пополам, кроме тех, что возникали из-за публичных мероприятий компании. Рабочие документы оставались закрытыми. Телефоны, почта и личные вещи — тоже.

Артём попросил заранее увидеть квартиру, но без инспекции шкафов и холодильника. Я согласилась на короткий визит после возвращения. Он предложил хранить личные документы отдельно и не передавать ключи друзьям без согласия второго. Я добавила, что гости возможны только после предупреждения.

Публичных мероприятий предполагалось минимум два: встреча с партнёрами и открытие «Речного квартала». Фотографии были неизбежны. Артём заметил, что нам придётся выглядеть людьми, добровольно вступившими в брак. Я считала достаточным не выглядеть врагами. Он назвал мой порог романтики высоким, и это замечание я пропустила.

Мы отдельно обсудили фамилии. Менять свою я не собиралась. Артём тоже. Кольца были нужны только как понятный знак для окружающих, но выбирать их предстояло вместе. Он предложил самые простые, чтобы не превращать покупку в обещание, которого мы не давали.

Расписание оказалось сложнее. В будни я часто возвращалась после десяти, он работал вечерами и по выходным. Мы договорились сообщать, если не ночуем дома, но не требовать отчёта о каждом перемещении.

— Один общий ужин в неделю, — предложил Артём.

— Зачем?

- Чтобы помнить, с кем мы живём.
- Это можно выяснить по обуви в прихожей.
- Я не хочу узнавать жену по обуви.

Слово «жена» прозвучало непривычно. Я сделала вид, что занята записью. После короткого спора мы оставили два ужина за весь срок и право перенести их по уважительной причине.

— Никаких обязательных поцелуев, объятий или совместной спальни, — сказала я. — Любой физический контакт только по взаимному согласию.

Он перестал писать и поднял взгляд.

— Хорошо.

Простой ответ снял напряжение, о котором я не собиралась говорить.

Артём предложил правило публичной поддержки: при посторонних мы не присоединяемся к нападкам на другого, даже если спорим дома. Его исходная формулировка включала право называть его идиотом после возвращения. В документ я внесла более нейтральную версию — поддержка без обязанности лгать.

— Если пресса задаёт личный вопрос, мы не придумываем историю детства и вечной любви, — продолжил Артём. — Используем правду. Мы знакомы по работе. Вы видели, как я справляюсь с хаосом. Я видел, как вы спорите с людьми, которые пытаются выдать риск за мелочь.

— Это звучит не слишком романтично.

— Зато мы не запутаемся.

Я записала.

Почти час мы обсуждали быт и публичные границы. В какой-то момент официант из соседнего кафе принёс ещё кофе, и Артём без вопроса отодвинул мой стакан подальше от ноутбука. Движение было обычным, но я его заметила: он помог, не вторгаясь и не требуя благодарности.

Разговор оказался легче, чем я ожидала. Артём шутил, но не превращал всё в фарс. Когда вопрос касался денег, доступа или личного пространства, он становился серьёзным.

— Что будет на пятидесятый день? — спросил он.

— Пакет перейдёт мне.

— Я не об акциях.

Я закрыла ручку колпачком.

На пятидесятый день мы должны были решить, разводимся или продолжаем брак. Артём скептически отнёсся к документу, обязывающему людей вести себя разумно, но всё же добавил строку об обязательном разговоре до любых действий.

К середине встречи листы лежали между нами в трёх аккуратных стопках: принято, требует проверки, не обсуждается. В последнюю попали доступ к рабочей почте, попытки влиять на сотрудников и любые решения о деньгах другого. Артём не торговался за исключения. Это успокаивало сильнее его шуток.

Оставался один пункт, который не относился ни к квартире, ни к фотографиям.

— Полная информация об угрозах, — сказал Артём. — Если кто-то давит на вас из-за брака или компании, вы сообщаете мне. Если кто-то давит на агентство или на меня, я сообщаю вам.

— Зачем вам знать о компании?

— Потому что следующие сорок пять дней мой поступок может ударить по вам. И наоборот. Я не хочу узнать о проблеме из новостей.

— Рабочая информация бывает закрытой.

— Тогда говорим о самом факте угрозы, без деталей. Но не скрываем её существование.

Я вспомнила Евгения, который уже получил ночь преимущества. Вспомнила бывшего жениха, улыбавшегося мне за завтраком, пока его юрист готовил предложение о слиянии наших активов.

Я приняла правило полной информации, хотя заранее знала, насколько трудно мне будет его соблюдать каждый следующий день. Из него выросло второе: никто не принимает в одиночку решение, которое меняет жизнь другого. Артём привёл примеры — я не закрываю его агентство ради своей репутации, он не устраивает публичных признаний без моего ведома. Управление компанией оставалось только моим, но последствия для нас обоих требовали разговора.

Формулировка была разумной, и соглашаться от этого становилось только труднее. Бывший жених тоже говорил о совместных решениях. Позже выяснилось, что под совместными он понимал решения, о которых сообщал мне перед подписанием. Я не собиралась рассказывать Артёму эту историю на второй встрече, но прошлое уже сидело за столом вместе с нами.

Я привыкла действовать быстро. Сообщать людям о готовом решении было проще, чем ждать их согласия.

Мы договорились и о том, что не будем использовать друзей как посредников. Ксения не должна передавать мне настроение Артёма, Марина — объяснять ему мои решения. Если между нами возникнет проблема, мы говорим друг с другом, а не собираем совет из людей, которые нас любят и потому неизбежно занимают сторону.

Это правило предложил Артём. Я сначала сочла его лишним, потом вспомнила, сколько конфликтов в компании разрасталось потому, что участники разговаривали со всеми, кроме человека напротив.

Ещё он настоял, что сотрудники агентства узнают правду в той части, которая касается их работы. Не подробности брака, а факт: финансирование не гарантировано, брак не делает Дарину владельцем агентства, а деловые решения Артёма остаются за ним и Мариной. Его команда не должна проснуться однажды и обнаружить, что их судьбу обменяли на семейный пакет акций.

Я поймала себя на том, что мысленно ставлю галочки напротив каждой его формулировки. Артём защищал не только себя. Он заранее оставлял место людям, которых не было в комнате. Для человека, которого я считала несерьёзным, он слишком хорошо понимал цену чужой зависимости.

— Принимаю, — сказала я.

Артём положил ручку.

Оставался главный вопрос. Он был почти согласен, но хотел увидеть документы, поговорить с Мариной и убедиться, что финансирование реально. Кроме того, его интересовало, почему я считаю его способным выдержать сорок пять дней рядом со мной.

Я напомнила, что вчера он сначала проверил поломку и только потом обещал результат. Это значило больше красивого впечатления.

— Вы всегда оцениваете мужчин по тому, как они ведут себя при аварийном освещении? — спросил он.

— Пока выборка слишком мала.

Мне захотелось улыбнуться. Я позволила себе это на секунду.

Телефон на столе завибрировал. Звонил Павел.

Я включила громкую связь, предупредив Артёма.

— Дарина, я нашёл вариант, — сказал Павел. — Если вы оба согласны, зарегистрировать брак быстро можно в Тбилиси. Нужны документы и два свидетеля. Я пришлю короткий список. Вылететь лучше послезавтра.

Я повернулась к Артёму.

Он медленно закрыл папку.

— Послезавтра, — повторил он.

— Времени мало.

— Я заметил.

— Теперь вы готовы ответить?

Артём провёл ладонью по подбородку, потом посмотрел на наши записи.

— При условии, что Марина не убьёт меня раньше свадьбы, — сказал он, — да. Я согласен.

Вчера у меня не было ни одного кандидата.

Сегодня появился жених, список правил и билет в страну, где через три дня я должна была стать его женой.

Глава 4

Артём

Марина не убила меня.

Это не означало, что она отнеслась к новости спокойно. До моего прихода она успела отменить два звонка, собрать финансовые документы и предупредить бухгалтера, что в офисе сегодня могут происходить странные вещи. Бухгалтер ответил, что после фестиваля её уже ничем не удивить.

Сначала Марина молча прочитала наши записи. Потом прошлась по кабинету, открыла окно, закрыла его и спросила, не ударился ли я головой на выставке.

— Я проверял. Следов нет.

— Артём.

— Серьёзно. Всё продумано.

— Ты женишься на женщине, с которой разговаривал четыре раза.

— Пять. Вчера был длинный разговор.

Она посмотрела на меня так, что я перестал считать встречи.

Утро третьего дня мы провели в нашем офисе. Дарина приехала без помощников, с двумя папками и человеком из инвестиционной компании на видеосвязи. Тот задал Марине вопросы о договорах, долгах и будущих заказах, попросил документы и пообещал предварительный ответ через несколько дней.

Дарина не вмешивалась: не поручалась за нас, не давила и не обещала положительного решения. Она организовала разговор в тех пределах, о которых предупреждала.

После звонка Марина закрыла ноутбук. За перегородкой команда готовила сметы на новые проекты. Я знал, сколько людей зависит от решения, которое мы сейчас обсуждали. Моё имя стояло первым в названии агентства, но половина каждого риска принадлежала Марине. Раньше я слишком часто считал, что обязан защищать её от плохих новостей. На деле я только оставлял её без права выбора.

В этот раз она знала всё, что знал я. Кроме одной вещи: мне хотелось согласиться даже сильнее, чем требовало положение агентства. Эту часть я пока не собирался объяснять ни ей, ни себе.

— Допустим, финансирование реально. Но что получит она, понятно. Что получим мы, кроме возможного кредита и твоей фотографии в новостях?

— Время, — ответил я. — Если одобрят деньги, мы не закроемся до конца месяца. Сможем закончить проекты и разобраться с фестивалем.

— А если не одобрят?

— До регистрации я могу отказаться.

Дарина сидела у окна и не торопила нас. Её спокойствие выглядело настоящим, но я уже знал: когда она нервничает, слишком ровно складывает листы. Сейчас края лежали идеально.

— У меня один вопрос к вам, — сказала Марина ей. — Если всё пойдёт плохо, вы не станете решать проблемы агентства за его спиной?

Дарина не обиделась.

— Не стану. Любая помощь — только после общего решения вас двоих.

— И не заберёте его к себе на работу?

— У меня достаточно сотрудников.

— Это не было комплиментом, — заметил я.

— Я знаю, — сказала Дарина.

Марина ещё раз посмотрела на нас и подписала лист, где подтверждала, что ознакомилась с условиями, касающимися агентства.

— Я буду свидетелем, — сказала она. — Но если ты из-за красивой жертвы потеряешь половину компании, я разведу вас сама.

— В меморандуме это не предусмотрено.

— Я найду способ.

Ксения согласилась стать вторым свидетелем ещё быстрее. Её интересовала не деловая сторона, а возможность увидеть лицо Дарины во время регистрации.

Перед приходом Ксении инвестиционная компания прислала список документов для проверки. Марина прочитала его и заметно выдохнула: там не было ни обещаний от Дарины, ни попытки связать агентство с её бизнесом. Обычные отчёты, договоры и план платежей. Решение оставалось неизвестным, но возможность хотя бы выглядела настоящей.

— Я согласна, — сказала Марина. — Не на брак. На то, чтобы ты сам решил.

Это звучало честнее благословения.

К обеду приехала Ксения. Она принесла коробку пирожных и заявила, что деловые переговоры о браке без сахара нарушают человеческие права. Дарина взяла одно пирожное только после того, как Ксения пригрозила положить его на папку с документами.

В тот же день мы подписали короткий брачный договор. Всё, что принадлежало каждому до брака, оставалось его собственностью. Долги тоже. Никто не получал доступ к бизнесу второго. Документ занял меньше времени, чем обсуждение, можно ли мне пользоваться кофемашиной Дарины после десяти вечера.

— Она шумит, — объяснила Дарина.

— Кофемашина?

— Вы.

Я записал ограничение в раздел быта.

Меморандум получился на несколько страниц. Без обещаний изображать любовь и без срока развода. Только сорок пять дней совместной жизни, общий адрес, отдельные комнаты, расходы, публичные мероприятия, приватность и два главных правила: не скрывать угрозы и не решать судьбу другого в одиночку.

Перед подписями мы вслух прочитали эти правила. Марина настояла. Ксения перестала шутить. Несколько секунд в переговорной молчали, и шутка закончилась. Подписями мы обещали не использовать слабое место другого.

Ручка неожиданно потяжелела в пальцах. До этого всё можно было считать переговорами. Подпись превращала шутку в маршрут: аэропорт, Тбилиси, чужая квартира.

Дарина задержала ручку над листом всего на секунду. Потом поставила подпись рядом с моей.

— Готово, — сказала она.

— Пока только подготовка.

— Я знаю.

После подписания она сразу вернулась к рабочим сообщениям. За десять минут согласовала замену поставщика, перенесла совещание и ответила Павлу. Я наблюдал за ней из-за стола. Дарина умела спрятать любое решение между делами, как будто свадьба была ещё одной встречей, которую нужно правильно поставить в календарь.

Только когда Ксения спросила, в чём она полетит, Дарина замерла.

— В одежде.

— Очень смело.

— У меня есть костюм.

— Ты не пойдёшь регистрировать брак в костюме, в котором увольняешь подрядчиков.

— Я никого в нём не увольняла.

Марина посмотрела на неё поверх ноутбука.

— На прошлой неделе — двоих.

Дарина не ответила. Через час Ксения увезла её выбирать платье, а я остался с Мариной собирать документы агентства.

— Ты понимаешь, что тебе придётся жить с ней? — спросила Марина, когда дверь закрылась.

— Этот пункт был в начале.

— Я не про адрес. Она контролирует даже расстояние между листами.

— А я оставляю кружки где попало. Значит, вселенная получит равновесие.

Марина не улыбнулась.

— Не превращай всё в шутку, когда испугаешься.

Я хотел возразить, но не стал. Она знала меня слишком давно.

Ночью я почти не спал. Сначала проверял документы, потом рабочую почту, затем снова документы. В два часа Марина прислала сообщение: «Отказаться ещё можно». Я ответил: «Знаю». В три она прислала: «Это не ответ». Я выключил телефон.

На следующий день мы встретились в аэропорту. Ксения приехала с чемоданом, который выглядел так, будто собиралась провести в Тбилиси месяц. Марина ограничилась рюкзаком и папкой с рабочими бумагами. Дарина стояла у стойки регистрации в светлом пальто и проверяла паспорта так, словно лично отвечала за границу.

— У всех документы? — спросила она.

— Нет, — сказала Ксения. — Мы решили проверить, насколько ты стрессоустойчива.

Дарина протянула руку.

Ксения рассмеялась и показала паспорт.

Я приехал последним, хотя до окончания регистрации оставалось двадцать минут. Марина увидела меня и покачала головой.

— Жених опаздывает на собственную свадьбу ещё до вылета.

— Я создаю правильные ожидания.

Дарина посмотрела на часы.

— Ещё две минуты, и ожидания стали бы отдельными.

До посадки оставалось сорок минут. Мы с Дариной успели купить серые чехлы для документов, потому что её раздражала мысль о паспортах, лежащих в разных карманах. Я предложил красные. Она выбрала серые. Ксения купила себе красный назло нашей общей практичности.

У выхода на посадку Ксения вручила нам маленький пакет.

Внутри лежали два простых золотых кольца.

— Мы с Мариной решили, что вы сами будете выбирать неделю, — сказала она. — Поэтому выбрали за вас.

Я достал мужское кольцо. Внутри была гравировка: «45».

Дарина перевернула своё. Там стояло то же число.

— Это лишнее, — сказала она.

Но кольцо обратно не положила.

— Можете считать их реквизитом, — предложила Ксения.

— Реквизит обычно возвращают после мероприятия, — заметил я.

Дарина закрыла коробочку.

— На пятидесятый день решим.

В самолёте мы сидели рядом. Свидетельницы устроились через проход и почти сразу занялись своими делами: Марина открыла ноутбук, Ксения надела маску для сна.

Дарина достала папку с документами. Просмотрела один лист, второй, вернулась к первому.

— Вы уже проверяли это в аэропорту, — сказал я.

— Проверю ещё раз.

— Паспорт за время взлёта фамилию не поменяет.

Она подняла взгляд. Я ожидал привычного сухого ответа, но его не последовало.

Самолёт набирал высоту. Москва исчезала под облаками. Дарина держала папку обеими руками и смотрела в окно.

— Я не боюсь летать, — сказала она.

— Я не спрашивал.

— Вы собирались.

— Собирался спросить, всегда ли вы перечитываете документы, когда уже ничего нельзя изменить.

Она закрыла папку.

— Да.

— Помогает?

— Иногда нахожу ошибку.

— А сейчас?

Несколько секунд она молчала.

— Сейчас пытаюсь понять, не совершаю ли её сама.

Можно было ответить шуткой. Сказать, что ошибки обычно не носят белые рубашки и не покупают билет экономкласса. Но её лицо стало слишком открытым для лёгкого ответа.

— У вас ещё есть возможность отказаться, — сказал я. — До подписи.

— Тогда компания уйдёт Евгению.

— Это последствие. Я говорю о возможности.

Она повернулась ко мне.

— А вы сможете отказаться?

Вопрос застал врасплох.

Я подумал об офисе, о Марине, о команде за стеклом, о письмах из банка. Финансирование пока никто не одобрил. Брак не гарантировал спасения. Он только открывал дверь, за которой могло ничего не оказаться.

— Смогу, — ответил я. — Но пока не хочу.

Дарина кивнула и убрала папку в сумку.

Перед подачей еды стюардесса назвала нас супругами, увидев одинаковые коробочки с кольцами на столике. Дарина открыла рот, чтобы поправить, и закрыла. Формально женщина опередила события всего на несколько часов. Мне понравилось, как Дарина после этого долго смотрела в иллюминатор.

Остаток полёта мы говорили о нейтральном. О выставке, о московских пробках, о том, почему Ксения однажды пыталась провести открытие в помещении без туалета. Дарина слушала и иногда улыбалась. Оказалось, её улыбка не меняла лицо полностью. Только делала его моложе и ближе.

За несколько минут до посадки она уснула. Голова чуть наклонилась к окну, руки лежали поверх сумки. Впервые Дарина ничего не контролировала. Я отвернулся, чтобы не разглядывать, и попросил у бортпроводника воды.

В Тбилиси нас встретил тёплый вечер. Город пах дождём, камнем и едой из ближайшего кафе. Мы заселились в маленький отель в старой части города. Разумеется, в разные номера.

По дороге Ксения пыталась убедить нас выбрать ресторан для свадебного ужина, Марина отвечала на письма, а Дарина смотрела в окно и считала повороты до отеля. Я не стал спрашивать зачем. Некоторые привычки не нуждались в объяснении в первый день.

У стойки нам по ошибке предложили один номер для молодожёнов. Дарина так быстро произнесла «два отдельных», что администратор перестал улыбаться. Я подтвердил бронь и не стал шутить. Через минуту она тихо поблагодарила меня за поддержку, хотя я всего лишь не усложнил ситуацию.

Ксения предложила сразу пойти ужинать. Дарина отказалась: хотела проверить документы и выспаться. Марина поддержала её, потому что утром у неё был рабочий звонок.

Я вышел один. Прошёл по улице с резными балконами, купил воду и вернулся к отелю через полчаса. У входа сидела Дарина.

Рядом на скамейке лежала закрытая папка.

— Не спится? — спросил я.

— Ещё не ложилась.

Я сел на другой край, оставив между нами достаточно места.

— Документы в порядке?

— Да.

— Тогда что не в порядке?

Она посмотрела на тёмную улицу.

— Завтра всё станет официальным. Сегодня я ещё могу сказать, что это план. После подписи это будет факт.

— Факты вы любите.

— Только те, которыми могу управлять.

Я не стал убеждать её, что всё будет хорошо. У нас не было для этого данных.

— Утром, перед регистрацией, я ещё раз спрошу, — сказал я. — Без свидетелей и без давления. Если захотите остановиться, я приму это.

— Даже если финансирование агентства сорвётся?

— Оно ещё не одобрено. И я соглашался не потому, что вы купили мой ответ.

Дарина посмотрела прямо на меня.

— Почему тогда?

Я мог перечислить долги, команду и собственное любопытство. Но правдивее было другое.

— Потому что вы пришли с безумным предложением и всё равно оставили мне право сказать нет.

Дарина долго смотрела на меня, затем взяла папку.

— В девять внизу.

— Буду в восемь пятьдесят девять.

— Восемь пятьдесят.

— Мы уже женаты в вашей голове.

Она встала.

— Поэтому я иду спать.

У двери Дарина остановилась.

— Спасибо, что не пошутили сразу.

— Я умею быть серьёзным.

— Я начинаю это замечать.

Она ушла в отель. Я остался на скамейке ещё на несколько минут.

Утром нам предстояло сказать «да». Репетицией это уже не назовёшь.

Глава 5

Дарина

В день свадьбы я проснулась раньше будильника и несколько секунд не понимала, почему потолок чужой.

Потом увидела коробочку с кольцом на тумбочке.

Сон закончился окончательно.

За окном просыпался Тбилиси. По узкой улице проехала машина, где-то хлопнула дверь, снизу потянуло свежим хлебом. Обычное утро для города и совершенно ненормальное для меня.

Я долго стояла перед открытым шкафом, хотя выбор был сделан ещё в Москве. На вешалке висело светлое платье, рядом — запасной костюм. Рука потянулась к костюму. В нём было проще: прямая спина, знакомые линии, никакого намёка на личное.

Я всё-таки выбрала платье. Романтика тут была ни при чём: не хотелось прятаться в рабочую форму в день, который я сама назначила.

Платье было простым, без кружева и торжественных деталей. Ксения назвала его «слишком разумным для свадьбы», а я решила, что это лучший комплимент.

Кольцо я положила в сумку.

Внизу Артём уже ждал. На нём был тёмный костюм без галстука. Он действительно пришёл к восьми пятидесяти. В руках держал два стакана кофе.

— Я не знал, какой вы пьёте, — сказал он. — Поэтому один без сахара, второй тоже без сахара, но с надеждой.

— Очень широкий выбор.

Он протянул мне стакан с молоком. Угадал.

Ксения вышла из лифта следом за мной и одобрительно осмотрела нас.

— Похожи на людей, которые добровольно приняли несколько спорных решений.

— Не начинай, — сказала я.

Марина появилась с папкой и сообщила, что машина ждёт. Она держалась собранно, но поглядывала на Артёма чаще обычного. Проверяла, не сбежит ли.

По дороге я почти не говорила. Ксения пыталась обсуждать, где мы будем обедать, Марина отвечала на рабочие сообщения, Артём рассказывал водителю, что мы приехали отмечать очень короткий медовый месяц. Водитель рассмеялся. Я сделала вид, что не услышала.

На светофоре Артём повернул кольцо в коробочке и спросил, не хочу ли я заменить гравировку. Я отказалась. Число сорок пять было честнее любой даты. Город за окном поднимался по склонам, старые дома соседствовали с новыми, над улицами тянулись балконы. Я пыталась запомнить детали, но мысли возвращались к одной комнате, двум подписям и слову «супруги».

Регистрация оказалась короче, чем любое заседание совета директоров.

Нас провели в светлый зал. Пока сотрудница проверяла документы, я наблюдала за другими парами. Молодые люди у окна держались за руки. Женщина постарше поправляла мужчине воротник. Кто-то нервно смеялся, кто-то спорил о фотографиях. У всех была история, известная хотя бы им самим. У нас имелись меморандум, два бизнеса и срок.

Мне вдруг стало важно, что Артём стоит рядом и ничего не изображает. Не играет счастливого жениха, не пытается облегчить момент любой ценой. Он здесь — и этого хватает.

На столе лежали документы. Сотрудница проверила паспорта, что-то уточнила, затем попросила немного подождать. Ксения фотографировала потолок, Марина отвечала на сообщения, Артём стоял возле окна.

Я подошла к нему.

— Ещё не передумали? — спросила я.

— Это моя реплика.

Он посмотрел на свидетельниц. Те находились достаточно далеко и делали вид, что заняты.

— Дарина, сейчас вы можете остановиться. Я не потребую денег, не обвиню вас и не буду рассказывать эту историю. Скажете, что планы изменились, и мы уйдём.

— Агентство потеряет шанс на финансирование.

— Возможно. Это моя проблема.

— Компания перейдёт Евгению.

— Это ваше последствие. Но решение всё равно ваше.

Его слова раздражали своей точностью. Я привыкла считать последствия частью решения. Он разделял их, будто между ними существовал зазор, в котором можно было свободно дышать.

— А вы хотите уйти? — спросила я.

— Нет.

— Тогда и я не хочу.

Он кивнул — без улыбки и облегчённого вздоха — и принял ответ.

Нас позвали к столу.

Дальше всё происходило быстро. Нам задали несколько вопросов. Я назвала полное имя. Артём сделал то же самое. Ксения и Марина встали рядом как свидетели.

Когда передо мной положили документ, рука не дрогнула. Я поставила подпись там, где показали.

Артём подписал следом.

В памяти остались мелкая царапина на столе, отражение окна в стекле и тень от руки Артёма на документе. Почему-то не важные слова, а эти случайные детали.

Щелчок ручки прозвучал неожиданно громко.

Сотрудница поздравила нас. Ксения первой захлопала, Марина обняла Артёма, потом меня. Я растерялась на долю секунды, но ответила.

Оставались кольца.

Артём достал коробочку. Его пальцы были спокойны, хотя вчера он признался, что не уверен в собственном решении больше, чем я.

Я протянула левую руку.

Кольцо прошло по пальцу и остановилось у основания. Обычный гладкий ободок. Внутри — число сорок пять, которого никто не видел.

Когда пришла моя очередь, Артём подал руку. Я надела кольцо ему. Оно оказалось чуть теснее, чем нужно.

— Терпимо? — спросила я.

— Для брака по расчёту — почти идеально.

Ксения шикнула на него, сотрудница улыбнулась, а я неожиданно рассмеялась.

Я рассмеялась по-настоящему.

Артём посмотрел так, будто ждал этого.

Нам выдали свидетельство. Я взяла его двумя руками, будто бумага могла исчезнуть, если держать небрежно. На ней стояли наши имена рядом. Не в проекте, не в списке участников и не в договоре с поставщиком. В строках, которые меняли личный статус.

Через несколько минут мы вышли на улицу официально женатыми.

Я проверила свидетельство дважды. Артём заметил, но ничего не сказал. Марина сфотографировала документ для своих архивов, Ксения — нас у входа. На снимке я стояла немного напряжённо, Артём держал руки в карманах, между нами оставалось расстояние. Не свадебная фотография. Скорее доказательство заключённого соглашения.

— Нужно ещё одну, — решила Ксения. — Иначе никто не поверит, что вы хотя бы знакомы.

— Никому пока не нужно верить, — ответила я.

— Прессе понадобится.

Она была права. Я встала ближе. Артём не обнял меня, только посмотрел вопросительно.

Ксения попросила нас хотя бы на минуту взяться за руки. Я перевела взгляд на Артёма. Он протянул ладонь и ждал.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих без давления. Обычное прикосновение почему-то ощущалось серьёзнее подписи: подпись была частью процедуры, руку я дала сама. Когда снимок был сделан, он не удержал меня ни на секунду дольше.

Мы отправили Павлу фотографию свидетельства. Он ответил почти сразу: «Получил. Поздравляю. Остальное после возвращения».

Я убрала документ во внутренний карман сумки и не стала открывать календарь. В нём всё равно не существовало подходящей задачи для того, что происходило.

На этом деловая часть дня закончилась.

Ксения объявила, что никто не имеет права улетать из Тбилиси, не отпраздновав свадьбу хотя бы обедом. Марина поддержала её. Спорить с двумя свидетелями одновременно оказалось сложнее, чем с советом директоров.

Мы пошли пешком. Улицы спускались и поднимались, балконы нависали над тротуарами, из открытых дверей пахло выпечкой и специями. Ксения фотографировала всё подряд. Марина разговаривала с агентством и одновременно выбирала кафе. Артём шёл рядом со мной, иногда касаясь локтем, когда тротуар сужался.

По дороге он остановился у маленькой лавки и купил четыре дешёвых магнита с видом города. Один отдал Марине, второй Ксении, третий мне, а четвёртый оставил себе.

— Зачем? — спросила я.

— Временным супругам тоже нужны бессмысленные сувениры.

Я положила магнит в сумку рядом со свидетельством.

В маленьком ресторане нам поставили на стол столько еды, будто брак требовал немедленного восстановления сил. Я сначала пыталась есть аккуратно. Потом Артём показал, как правильно держать хинкали, и сам тут же пролил бульон на рубашку.

— Отличная инструкция, — сказала я.

— Я демонстрирую риски.

— Очень наглядно.

Ксения смеялась так громко, что на нас обернулся соседний стол. Марина выдала Артёму салфетку и сообщила, что его нельзя выпускать к клиентам без надзора.

За столом Артём рассказал, как однажды проводил свадьбу, на которой жених забыл кольца в такси, а невеста решила, что это знак. Историю он закончил тем, что таксист вернулся, церемония состоялась, а через год пара заказала у агентства годовщину.

— И какой вывод? — спросила я.

— Иногда забытые кольца означают только забытые кольца.

Мне понравился ответ. Артём не пытался видеть судьбу в каждой случайности.

После обеда Ксения потребовала общую фотографию. На первой Марина закрыла глаза. На второй Артём смотрел не в камеру, а на меня. На третьей я уже смеялась, потому что Ксения ругалась на прохожего, который каждый раз проходил между нами и объективом. Этот снимок она объявила свадебным.

Пока Ксения проверяла фотографии, Артём отошёл к краю площади и ответил на рабочий звонок. Голос у него стал собранным, без привычной лёгкости. Он уточнил время монтажа, попросил не экономить на дополнительной проверке света и пообещал вернуться к вечеру следующего дня.

Я слушала невольно. Даже в день собственной свадьбы он не изображал человека, у которого исчезли обязательства. Это успокаивало. Муж на сорок пять дней не должен был превращаться в ещё одного человека, чью жизнь мне придётся организовывать.

Ксения подошла и протянула мне телефон с третьим снимком.

На экране я на секунду себя не узнала. Женщина на фотографии не контролировала угол поворота головы и не думала, что скажут партнёры. Она смеялась рядом с мужчиной, которого знала меньше недели.

И это пугало сильнее всего остального.

После обеда мы поднялись к старой крепости. Дул тёплый ветер. Город лежал внизу — крыши, река, дороги, новые здания среди старых домов. Ксения с Мариной ушли вперёд, споря, где лучше сделать фотографии.

Я остановилась у стены.

— Устали? — спросил Артём.

— Думаю.

— Опасное занятие после свадьбы.

Я посмотрела на кольцо.

— Оно кажется чужим.

— Моё тоже. И немного перекрывает кровообращение.

— Нужно было примерять.

— Тогда пришлось бы признать, что мы действительно собираемся жениться.

Я улыбнулась.

Я привыкла, что мужчины рядом со мной либо стараются произвести впечатление, либо ждут, когда я начну развлекать их сама. Артём стоял у стены и смотрел на город. Рядом с ним молчание не требовало немедленно заполнить его решением. Непривычно.

— О чём вы думаете? — спросила я.

— Что завтра вернусь в офис женатым человеком, а у нас до сих пор не работает принтер.

— Серьёзная смена приоритетов.

— И ещё о том, что вы смеётесь чаще, чем хотите показать.

Я отвернулась к городу.

— Не делайте выводов по одному дню.

— У нас ещё сорок пять.

Поправлять его я не стала.

На обратном пути Ксения заставила нас купить открытку. На ней был нарисован старый балкон и написано название города. Она потребовала, чтобы мы оба поставили дату и подписи.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы через год вы помнили, где совершили главную глупость своей жизни.

— Через сорок пять дней она может потерять актуальность.

— Тогда будет исторический документ.

Артём подписал первым и передал ручку мне. Я поставила имя рядом с его.

По дороге обратно мы обсуждали возвращение. Артём должен был переехать ко мне на следующий день. Он попросил список того, что нельзя привозить.

— Барабанную установку, — сказала я.

— У меня её нет.

— Тогда пока ограничений нет.

— Вы быстро смягчаетесь в браке.

Я подумала о своей пустой гостевой комнате, закрытой последние два года. Завтра там появятся его вещи. От этой мысли стало тревожно, но уже не так, как вчера.

В отель мы вернулись ближе к вечеру. До вылета оставалось несколько часов. Марина ушла звонить команде, Ксения отправилась собирать чемодан. Мы с Артёмом оказались в холле вдвоём.

Мой телефон завибрировал.

Сначала пришло сообщение от помощницы:

«Дарина Борисовна, простите, но вам нужно это увидеть».

Следом — ссылка.

Я открыла её.

На экране появилась фотография у входа после регистрации. Та самая, где мы держались за руки, а Артём смотрел на меня. Снимок был сделан не Ксенией — с другого угла.

Заголовок сообщал о тайной свадьбе главы «Мищенко Девелопмент».

В тексте уже упоминались акции отца, внезапная поездка и финансовые проблемы агентства моего нового мужа.

— Быстро работают, — сказал Артём, читая через моё плечо.

Я пролистнула сообщение помощницы. Наш специалист по связям с прессой уже успел связаться с редакцией. Информацию передал человек из команды Евгения.

Медовый месяц продлился меньше четырёх часов.

Глава 6

Артём

Женатым человеком я вернулся в Москву с одним чемоданом, двумя коробками и магнитом на холодильник, который уже успел стать предметом семейного спора.

Дарина считала, что сувенир из Тбилиси можно положить в ящик. Я считал, что магнит, спрятанный в ящике, теряет смысл существования. Мы обсуждали это в машине по дороге из аэропорта с такой серьёзностью, будто решали судьбу международного проекта.

— На холодильнике нет ничего лишнего, — сказала она.

— Пока.

— Это не приглашение.

— Я понял. Заявку на размещение подам письменно.

Дарина посмотрела в окно. Уголок её рта всё-таки дёрнулся.

У подъезда нас уже ждал водитель агентства с остальными вещами. Я не собирался перевозить к Дарине всю жизнь: одежда, ноутбук, рабочая папка, несколько книг и кофейная кружка, которую подарила команда. Марина пыталась добавить в груз растение из моего кабинета. Я отказался. Если кактус не переживёт сорок пять дней без меня, значит, наши отношения изначально были нездоровыми.

Квартира Дарины находилась на верхнем этаже нового дома. Я был здесь впервые. Вчера мы договорились, что осмотр проведём после возвращения, и она не присылала мне фотографии, кроме снимка гостевой комнаты. Наверное, опасалась, что я начну заранее предлагать декоративные подушки.

В прихожей оказалось столько свободного пространства, что мои две коробки выглядели как начало несанкционированного переезда небольшого магазина.

— Обувь здесь, — сказала Дарина, открывая узкий шкаф. — Верхняя одежда рядом. Гостевая в конце коридора. У неё отдельная ванная.

Голос оставался ровным, но слова шли слишком быстро. Её взгляд пересчитал коробки, чемодан, мои кроссовки и расстояние до светлой стены. Дом не выглядел холодным — скорее незавершённым. Хорошая мебель, книги, несколько фотографий, мягкий диван и почти никаких следов повседневной жизни. Даже плед лежал так аккуратно, будто никогда никого не грел.

Я снял обувь и поставил её точно туда, куда она показала.

— Что сначала? — спросил я. — Экскурсия или инструктаж по технике безопасности?

— Экскурсия займёт три минуты. Инструктаж — пять.

— Приятно жить с человеком, который ценит время.

Гостевая оказалась светлее, чем на фотографии. Кровать, рабочий стол, пустой шкаф, кресло у окна. На тумбочке стояла бутылка воды, рядом лежали два новых полотенца и запасной ключ.

— Я освободила полки, — сказала Дарина. — Если места мало, можно перенести часть вещей в кладовую.

— Места достаточно.

Я поставил чемодан у шкафа, но открывать не стал. Она всё ещё стояла в дверях, будто ждала, что я немедленно изменю комнату одним присутствием.

— Можно поставить кружку на стол? — спросил я.

Дарина моргнула.

— Разумеется.

— Проверяю границы.

— Не обязательно спрашивать о каждом предмете.

— В меморандуме написано: изменения общего пространства — по согласованию.

— Гостевая на сорок пять дней ваша.

— Тогда уточню иначе. Можно считать это своей комнатой, не превращая её в филиал склада?

Она выдохнула чуть свободнее.

— Можно.

Я распаковал вещи, пока Дарина отвечала на сообщения. После утечки о свадьбе её телефон не умолкал. У подъезда дежурили два фотографа, пресс-служба компании готовила короткое заявление, а Евгений уже назначил на послезавтра встречу с партнёрами, где нас собирались представить как супругов. Формально это была обычная презентация промежуточных результатов «Речного квартала». Фактически — первый экзамен на правдоподобие.

Мне хотелось сказать, что мы справимся. Вместо этого я повесил рубашки, убрал документы в ящик и спросил, где можно зарядить рабочую технику. Обещания без плана раздражали Дарину. Меня, если честно, тоже.

На кухне нашлась кофемашина, которую мы обсуждали в меморандуме, и холодильник, внутри которого жили вода, сыр, два йогурта и половина лимона.

— Вы действительно так питаетесь? — спросил я.

— Я ем в офисе.

— А дома?

— Иногда тоже.

Я открыл нижний ящик. Там лежали макароны, крупа и пачка печенья с истёкшим сроком.

— Это археологическая находка?

Дарина забрала печенье и выбросила.

— У меня не было времени заниматься продуктами.

— Не оправдывайтесь. Я просто пытаюсь понять, понадобится ли нам отдельный бюджет на реанимацию кухни.

— Расходы пополам.

— Я помню.

Я не стал предлагать готовить ей ужины и спасать от сыра над раковиной. На первом часу совместной жизни забота слишком легко превращалась во вторжение. Я открыл приложение доставки и показал экран.

— Я собираюсь заказать продукты для себя. Могу добавить то, что едите вы. Без обязательств и семейной программы питания.

Дарина несколько секунд смотрела на список. Потом назвала кофе, молоко, яйца, яблоки и нормальный хлеб.

— Всё?

— Ещё сыр.

— Тот самый ужин над раковиной?

— Он не требует посуды.

Мы составили заказ вместе. Она выбирала марки быстрее, чем большинство людей принимают решение о смене работы. Я добавил овощи и попросил разрешения оставить одну полку для своих продуктов. Она выделила две.

Мелочь, из которой вдруг складывалась реальность: моя зубная щётка в отдельной ванной, ключ в кармане, две полки в её холодильнике.

Телефон завибрировал. Марина прислала сообщение: инвестор готов открыть агентству промежуточную кредитную линию и дать отсрочку на первый платёж. Суммы хватало на зарплату и текущие проекты, но не на весь долг фестиваля. Через месяц нам всё равно предстояло искать решение.

Я перечитал письмо дважды. Облегчение пришло вместе с новой тяжестью: мы получили время, а не спасение. Честный результат. Плечи всё равно расправились.

— Хорошие новости? — спросила Дарина.

Я показал ей сообщение. Она прочитала, не пытаясь взять телефон из рук.

— Это не закрывает долг, — сказал я. — Но команда получит зарплату, и мы не оставим проекты.

— Значит, встреча была полезной.

— Да. Спасибо.

— Инвестор принял решение по вашим документам.

— А документы он увидел благодаря вам.

Она хотела возразить, но остановилась.

— Хорошо. Благодарность принята.

В меморандуме не было пункта о том, как реагировать, когда Дарина Мищенко признаёт, что сделала что-то хорошее. Я решил не усложнять момент шуткой.

Доставка приехала через сорок минут. Пока я разбирал пакеты, Дарина ушла в кабинет на рабочий звонок. Дверь оставила приоткрытой. Из комнаты доносился её голос: короткие вопросы, конкретные сроки, никаких лишних слов. Через несколько минут она вышла и увидела, что на холодильнике появился тбилисский магнит.

Я замер с упаковкой помидоров в руках.

— Это временно, — сказал я.

Она подошла ближе. Магнит был дешёвым, ярким и совершенно не подходил к белой кухне.

— Вы не спросили.

— Согласен. Могу убрать.

Я уже протянул руку, когда Дарина остановила меня.

— Оставьте.

— Уверены?

— Он хотя бы объясняет, почему у меня внезапно появился муж.

Это была первая вещь в квартире, которую мы выбрали не для удобства. Я отступил от холодильника, не скрывая улыбки.

Потом мы распределили бытовые обязанности. Я брал на себя продукты и посудомоечную машину. Дарина — счета и уборку через службу, которой пользовалась раньше. Личное бельё каждый стирал сам. Общая ванная оставалась её территорией, гостевая — моей. Музыка после одиннадцати только в наушниках. Рабочие звонки ночью — за закрытой дверью.

На бумаге это выглядело как управление небольшой гостиницей. В жизни оказалось спокойнее. Мы не спорили о главном, зато потратили пять минут на выбор места для запасного ключа. Дарина предлагала сейф. Я — миску в прихожей. Победил закрытый ящик, о существовании которого знали только мы.

К вечеру я закончил разбирать вещи. На рабочем столе стояла кружка, в шкафу висели рубашки, на кресле лежала куртка. Комната перестала быть гостиничной, но всё ещё не стала моей. Наверное, так и должно было быть.

Мы собирались разойтись по комнатам, но курьер привёз продукты вместе с пакетом, который нам не принадлежал. Вместо яблок там оказались детские хлопья, три шоколадки и упаковка свечей в форме единорогов. Дарина сверила электронный чек и уже потянулась к телефону службы доставки. Я предложил сначала проверить второй пакет. Наши яблоки нашлись под салатом, а чужой заказ лежал сверху из-за ошибки упаковщика.

— Свечи оставим? — спросил я.

— Зачем?

— На случай годовщины.

— Через сорок пять дней?

— Тогда одной упаковки будет много.

Она вернула пакет курьеру и всё-таки рассмеялась. Коротко, но без привычной осторожности. После свадьбы в Тбилиси я уже знал этот звук и неожиданно хотел услышать снова.

Я приготовил пасту, предупредив, что это не попытка установить семейную традицию. Дарина собиралась есть за ноутбуком, однако тарелку я поставил на кухонный стол. Она посмотрела на него, потом на экран, где мигало письмо, и всё-таки села. Мы не включали музыку и не обсуждали брак. Говорили о выставке Ксении, о новой сотруднице агентства, которая боялась микрофонов, и о том, почему в каждом строительном проекте кто-то обязательно заказывает двери не той стороны открывания.

Дарина ела медленнее, чем работала. Несколько раз тянулась к телефону, но оставляла его лежать. Когда пришло сообщение от Евгения, экран зажёгся рядом с её локтем. Она прочитала имя и перевернула телефон.

— Не будете отвечать? — спросил я.

— Завтра. Сегодня он хочет получить реакцию, а не решение.

Я запомнил эту разницу. Мне самому слишком часто хотелось немедленно закрыть неприятный вопрос, лишь бы он перестал висеть над головой. Дарина могла отложить ответ, если понимала цель собеседника. Это выглядело как контроль, но в нём была дисциплина, которой мне не всегда хватало.

После ужина она сама загрузила посудомоечную машину, хотя это уже считалось моей обязанностью. Я не стал напоминать о распределении. Первый день не требовал идеального соблюдения системы. Он требовал понять, можем ли мы находиться в одной комнате, не превращая каждое действие в пункт договора.

Перед тем как разойтись, Дарина показала мне домашний кабинет. Не рабочие документы — только место. Стол стоял у окна, на полке лежали образцы материалов, рядом — старая фотография отца на стройке. Она заметила мой взгляд и переставила рамку чуть глубже. Я не спросил. Некоторые двери следовало открывать только изнутри.

Дарина постучала в открытую дверь.

— Через два дня встреча с прессой и партнёрами. Пресс-служба хочет завтра провести подготовку.

— Репетицию семейного счастья?

— Подготовку к вопросам. Особенно о деньгах агентства и пакете отца.

— Я не собираюсь лгать.

— И я.

Она вошла и положила на стол распечатку статьи о нашей свадьбе. Там меня называли «предпринимателем с долгами», а её — «наследницей, которая нашла мужа за несколько дней». Фотография была та самая: её рука в моей, мой взгляд на ней.

— Евгений будет использовать это, — сказала Дарина. — На встрече он попытается показать, что вы зависите от меня.

— А вы купили себе контроль над компанией.

Она напряглась, и я сразу понял, как прозвучало.

— Я не считаю, что вы меня купили, — уточнил я. — Но именно так сформулируют вопрос.

— Что ответите?

Я посмотрел на статью, потом на неё.

— Правду. Мы заключили брак быстро. У каждого были причины согласиться. Но моё агентство существовало до вас и будет существовать после. А вы не обязаны стыдиться того, что боретесь за компанию.

Дарина взяла распечатку, сложила вдвое и убрала.

— Это слишком разумный ответ.

— Могу добавить красивую историю о любви с первого взгляда возле неисправного электрощита.

— Не нужно.

— Тогда потренируемся завтра.

Она кивнула и пошла к двери. Уже в коридоре остановилась.

— Артём.

— Да?

— Спасибо, что спросили про магнит.

— Я сначала не спросил.

— Но были готовы убрать.

Она ушла в свою комнату.

Через несколько минут в коридоре погас свет. Я закрыл дверь гостевой, но не лёг сразу. На столе рядом с ноутбуком лежало кольцо, которое я снял перед душем. Без него рука снова выглядела привычно, и всё произошедшее легко можно было принять за длинный рабочий выезд. Потом из кухни донёсся тихий щелчок холодильника, и я вспомнил магнит на белой двери.

Я снова надел кольцо. Не ради прессы. Завтра мы оба должны были проснуться в одном доме, и притворяться перед собой было бессмысленно.

Я посмотрел на закрытую дверь, затем на гостевую, в которой теперь лежали мои вещи. Между нами оставался длинный коридор, два пункта меморандума и сорок четыре дня.

Через два дня предстояло убедить половину делового города, что этот брак был настоящим.

Самое странное — к концу первого вечера мне уже не хотелось называть его полностью ненастоящим.

Глава 7

Дарина

На третий день совместной жизни я обнаружила на кухне записку.

«Кофе готов. Не пугайтесь: кружку поставил на подставку».

Рядом действительно стояла кружка. Под ней — подставка, которой раньше в доме не было. Артём нашёл её в одном из кухонных ящиков, где я хранила вещи, купленные когда-то для гостей и ни разу не использованные.

Я перечитала записку, отпила кофе и только потом заметила, что улыбаюсь.

Собственная улыбка меня раздражала.

Артём уже уехал в агентство. Его дверь оставалась закрытой, в прихожей не было кроссовок, зато на холодильнике держался тбилисский магнит. Квартира выглядела почти как прежде, но тишина изменилась. Раньше она принадлежала мне. Теперь в ней чувствовалось временное отсутствие другого человека.

Я не стала анализировать это до конца. В восемь утра у меня был звонок по объекту, в десять — встреча с Павлом, в полдень — презентация для партнёров и прессы. Для личных открытий в календаре места не оставалось.

Перед выходом я всё же вернулась на кухню и сложила записку Артёма вдвое. Выбросить её было логично: сообщение выполнено, информация устарела. Вместо этого я положила листок в ящик рядом с запасными ключами. Решение не имело практического смысла, поэтому я предпочла не давать ему названия.

Павел приехал в офис раньше назначенного времени. Он принёс копию свидетельства, короткую форму подтверждения адреса и не стал превращать проверку в торжественную процедуру.

Павел сверил свидетельство и адрес. Я сообщила, что вещи Артёма находятся в гостевой комнате, а ключ — у него. Ему этого хватило. Через несколько недель Павел собирался запросить ещё одно подтверждение, что мы не разъехались, но считать рубашки в шкафу не планировал. Борис любил сложные конструкции; Павел предпочитал простые факты.

Я подписала лист. Никаких новых условий не появилось, и это само по себе было хорошей новостью. Павел не просил совместных фотографий, не проверял шкафы и не задавал вопросов о личном. Ему требовался факт, а не спектакль. После последних дней такая простота почти успокаивала.

Павел убрал бумаги в папку, но не ушёл.

Перед уходом Павел предупредил, что статья о свадьбе разошлась шире ожиданий пресс-службы. Я не сомневалась в участии Евгения, хотя доказательств пока не было. Для понимания его стиля они не требовались; для действий — да.

Сегодня Евгений наверняка собирался спрашивать Артёма не только о браке, но и о долгах агентства. На вопрос Павла о моей реакции я ответила, что сначала послушаю ответы мужа.

Слово прозвучало легче, чем два дня назад. Я сразу вернулась к бумагам, будто деловой шрифт мог отменить смысл. Не отменил.

Перед встречей мы провели короткую подготовку в моём кабинете. Артём приехал из агентства в тёмном костюме и без галстука. На столе лежали тезисы пресс-службы: где познакомились, почему скрывали отношения, как совмещаем работу, влияет ли брак на договор компании с его агентством.

Большую часть текста Артём зачеркнул.

— «Наши отношения развивались вдали от публичного внимания», — прочитал он. — Мы виделись пять раз.

— Шесть, если считать переговоры.

— Тогда почти семейная сага.

Я забрала лист.

— Что вы предлагаете?

— Не называть точные сроки. Сказать, что познакомились по работе, ценили друг друга как профессионалов и решили не откладывать личное решение из-за чужого мнения.

— Это близко к правде.

— Поэтому запомним.

Он не пытался придумать летнюю прогулку, первое свидание или общий любимый фильм. Я не хотела лгать больше необходимого. Ложь требовала памяти, а у нас и без неё было достаточно деталей.

Перед выходом Артём спросил, можно ли взять меня за руку, если журналисты соберутся у входа. Мы договорились, что можно. Если мне станет некомфортно, я дважды сожму его пальцы. Тогда он отпустит без вопроса.

Сотрудница пресс-службы предложила ещё несколько вариантов: Артём может поправить мне воротник перед камерами, положить ладонь на спину, тихо сказать что-нибудь на ухо. По её словам, такие кадры выглядели естественнее официальной позы. Я уже собиралась отказаться от всего списка, когда Артём вернул ей лист.

— Нам не нужна хореография, — сказал он. — Мы войдём вместе, возьмёмся за руки и будем отвечать на вопросы. Этого достаточно.

Он не посмотрел на меня в ожидании благодарности. Убрал из разговора то, на что я не соглашалась. Я привыкла сама обозначать границы, иногда настолько резко, что окружающие потом обсуждали тон вместо причины. Артём сделал это без лишней демонстрации и не попытался говорить от моего имени дальше необходимого.

Пресс-служба перестроила план. Никаких заранее придуманных прикосновений, шуточных историй и просьб смотреть друг на друга во время фотографий. Только факты, согласованная позиция и возможность завершить интервью, если вопросы уйдут в личные подробности.

Простой порядок успокаивал сильнее репетиций. Он оставлял мне главное: возможность не изображать чувства, которых я ещё не понимала.

Встречу проводили в большом зале компании. На первых рядах сидели партнёры проекта, дальше — журналисты и сотрудники. За стеклянными дверями уже мелькали камеры. Виктор Самойлов, независимый директор, разговаривал с представителем банка. Евгений стоял рядом со сценой и выглядел так, будто всё происходящее было организовано им лично.

Когда мы вошли, Артём протянул руку. Я вложила пальцы в его ладонь. Он держал легко, не притягивая к себе. Вспышки всё равно ослепили на несколько секунд.

Сначала говорили о «Речном квартале». Я показала готовность первой очереди, обновлённый график и меры безопасности. Евгений отвечал за операционную часть и несколько раз подчёркивал, как важно не допустить новых задержек. Он ни разу не упомянул остановленный платёж за отсутствующие ограждения.

После презентации вопросы быстро перешли к свадьбе.

— Дарина Борисовна, почему решение было таким внезапным?

— Мы не считаем необходимым согласовывать личные сроки с прессой.

В зале кто-то улыбнулся. Артём не вмешался.

Следующий журналист спросил, как мы познакомились.

— На работе, — ответил Артём. — Я организовывал мероприятие, где всё пошло не по плану. Дарина увидела, что я не бегаю по залу с криками. Я увидел, что она не требует невозможного только потому, что занимает главный кабинет.

— Это и стало основанием для брака?

— Основанием стало уважение. Остальное мы предпочитаем оставить себе.

Ответ прозвучал буднично и правдиво. Напряжение в плечах ослабло.

Евгений ждал этого момента.

— Раз уж речь зашла о профессиональной стороне, — сказал он, поднимаясь со своего места, — партнёрам, вероятно, важно понимать возможный конфликт интересов. Агентство Артёма имеет финансовые сложности и работает на открытии нашего объекта. После брака с генеральным директором условия сотрудничества могут выглядеть не вполне независимыми.

Он говорил не мне. Обращался к Виктору и представителям банка, будто Артём в комнате отсутствовал.

— Договор с агентством заключён до нашего брака, — сказала я. — Его условия не менялись.

— Но проблемы агентства никуда не исчезли. В прессе называют значительную задолженность после провального фестиваля.

Артём не отпустил мою руку. Его пальцы лишь чуть сильнее коснулись моих, затем снова расслабились.

— Финансовое положение моего бизнеса обсуждают его владельцы и кредиторы, — ответил он. — Дарина не закрывала наши долги и не давала гарантий. Агентство прошло проверку инвестора на общих условиях. Мы получили временную кредитную линию, потому что показали действующие контракты и план работы.

— Кредитную линию организовала Дарина, — заметил Евгений.

— Встречу организовала Дарина. Решение приняли по нашим документам. Разницу легко понять, если не стремиться заранее назвать меня содержанцем.

В зале стало тихо.

Я могла бы остановить разговор и сослаться на личную тему. Но тогда обвинение осталось бы висеть. Артём ответил сам и не спрятался за мной. Теперь моя очередь была не спасать его, а подтвердить факт.

Я отпустила его руку только затем, чтобы взять микрофон двумя руками.

— Артём Панов — самостоятельный предприниматель и равный партнёр Марины Лебедевой. Его агентство выиграло конкурс на открытие первой очереди до нашего брака. После регистрации договора не расширились, оплата не увеличивалась. Если агентство не выполнит работу, последствия будут такими же, как для любого подрядчика.

Евгений слегка улыбнулся.

— Суровый семейный подход.

— Профессиональный. И я не позволю использовать временные трудности чужого бизнеса, чтобы унижать моего мужа на встрече, посвящённой проекту.

Слово «муж» прозвучало на весь зал.

Я не планировала эту фразу. Она появилась раньше внутренней проверки и всё равно была верной. Артём повернул голову. В его взгляде не было победы или благодарности напоказ. Только внимание, от которого мне захотелось посмотреть в бумаги.

Виктор Самойлов первым вернул разговор к проекту. Он спросил о графике набережной, потом о контроле поставщиков. Евгению пришлось отвечать по существу.

Но один из журналистов успел задать последний вопрос Артёму:

— Вас не смущает, что столь быстрое решение может повредить деловой репутации Дарины Борисовны?

Я ожидала, что он переведёт всё в шутку. Вместо этого Артём посмотрел не на меня, а на зал.

— Репутацию руководителя определяют его решения, — сказал он. — В первый день нашего знакомства Дарина остановила оплату работ, которых не было. На выставке она первой заметила опасную тумбу и не стала ждать, пока кто-нибудь пострадает. Сегодня вы слышали её отчёт по проекту. Можете спорить с нашим личным выбором, но называть его доказательством профессиональной ненадёжности — удобная подмена.

Он использовал только то, что видел сам. Не говорил, будто знает меня годами, не объявлял гениальной и не просил верить ему на слово. Поэтому ответ прозвучал убедительнее любой защиты пресс-службы.

Большой палец давил на кольцо. До этого я считала публичную поддержку частью сделки: мы не позволяем атаковать другого, потому что так безопаснее обоим. Артём защищал не нашу версию брака, а мою работу, к которой не имел отношения и от которой ничего не получал.

Оставшаяся часть встречи прошла спокойнее. Артём не переигрывал роль мужа: не обнимал меня перед камерами, не заканчивал мои фразы, не рассказывал о выдуманных завтраках. Когда журналист попросил общую фотографию, он встал рядом и дождался, пока я сама коснусь его руки.

После встречи мы ушли через внутренний коридор. Вокруг спешили сотрудники, пресс-служба уже собирала публикации, помощница передала мне телефон с десятком новых сообщений.

— Вы назвали меня самостоятельным предпринимателем, — сказал Артём.

— Потому что вы им являетесь.

— И мужем.

— Это тоже факт.

— Мне понравилось, как вы расставили факты по значимости.

Я остановилась у лифта.

— Вы хорошо ответили Евгению. Не нуждались в моей защите.

— Защита нужна не только слабым. Иногда важно, что человек встанет рядом, даже если ты можешь ответить сам.

Двери лифта открылись. Мы вошли вдвоём.

— Тогда спасибо, что не превратили меня в влюблённую женщину, которая тайно спасает ваш бизнес, — сказала я.

— Спасибо, что не позволили превратить меня в мужа, купленного за акции.

Лифт поехал вниз. В зеркальной стене мы выглядели неожиданно согласованной парой. Одежда и кольца тут были ни при чём: мы стояли на одной стороне.

Телефон Артёма завибрировал. Пресс-служба уже прислала первые заголовки. Один называл нас «деловым союзом года», другой — «браком ради спасения двух компаний». Артём пролистнул публикации и остановился на фотографии, где я говорила в микрофон, а он стоял чуть позади.

— Эту оставим, — сказал он.

— Почему?

— Здесь видно, что вы не прячетесь за мужем.

Я открыла другой снимок. На нём Евгений обращался к залу, а Артём слушал, не улыбаясь.

— А эту отправим Марине. Здесь видно, что вы не прячетесь за женой.

Он посмотрел на меня и убрал телефон в карман.

— Кажется, у нас впервые получилось совместное решение без отдельного заседания.

— Не привыкайте.

— Уже поздно.

Шутка прозвучала легко, но я поймала себя на том, что не хочу её опровергать.

На первом этаже нас догнал Илья. Он был в рабочей куртке, в руке держал планшет. Лицо у него выглядело так, будто разговор не мог подождать.

— Дарина Борисовна, на объекте проблема, — сказал он. — При проверке временной обзорной площадки нашли крепления, которые не соответствуют проекту.

— Насколько серьёзно?

— Пока не знаю. Но людей туда пускать нельзя.

Через три дня площадку собирались показать партнёрам и прессе.
Я встретила взглядом с Артёмом. Открытие этой зоны входило в его контракт.
Он понял раньше, чем я успела сказать.
— Едем, — произнёс он.

Глава 8

Артём

К шестому дню брака я понял две вещи.

Первая: Дарина действительно могла прожить неделю на кофе, сыре и решимости.

Вторая: спорить с ней о завтраке бесполезно, зато можно поставить тарелку рядом с ноутбуком и ничего не говорить.

Утром перед выставкой Ксении я приготовил омлет, оставил его на кухонном столе и ушёл гладить рубашку. Когда вернулся, половина омлета исчезла. Дарина работала в кабинете и отрицала участие. Тарелка стояла в посудомоечной машине.

У нас складывалась семейная жизнь, основанная на косвенных доказательствах. Пока эта система действительно работала. На прямые признания мы пока не переходили, но пустая тарелка выглядела убедительнее благодарственной речи.

С проблемой на «Речном квартале» было сложнее. Илья закрыл обзорную площадку, взял образцы креплений и назначил полную проверку на следующее утро. Евгений требовал не делать выводов до заключения специалистов. Дарина согласилась только с последней частью: выводов не делала, но людей на площадку не пускала.

Из-за этого она почти не спала. Ночью свет под дверью её кабинета горел до трёх. Я дважды проходил мимо, один раз остановился, но не постучал. Правило о плохих новостях не означало право заходить в чужую тревогу без приглашения.

К выставке мы готовились дома. Пресс-служба прислала рекомендации по одежде, в которых было больше осторожности, чем в инструкции к бытовой химии. Нам советовали избегать слишком одинаковых цветов, слишком разной степени официальности и украшений, которые «могут вызвать неверные трактовки». Отдельным пунктом стояла просьба не выглядеть напряжёнными. Полезный совет человеку, у которого на стройке закрыли опасную площадку.

— Как кольцо может вызвать неверную трактовку? — спросил я.

Дарина стояла перед открытым шкафом в тёмно-зелёном платье и читала сообщение с телефона.

— Если оно слишком дорогое, решат, что вы получили плату. Если слишком дешёвое — что брак ненастоящий.

— Наше одновременно дешёвое и с числом сорок пять внутри. Мы покрыли все риски.

Она посмотрела на своё отражение. Платье сидело прекрасно, но я не сказал этого сразу. Дарина не просила оценки внешности. Она спросила другое:

— Мы выглядим так, будто приехали на одно мероприятие?

Я надел пиджак и встал рядом, не приближаясь.

— Да. У вас зелёное платье, у меня тёмный костюм. Мы не похожи на близнецов и не спорим по уровню торжественности.

— Галстук нужен?

— Только если вы хотите видеть меня менее счастливым.

— Не хочу.

Ответ прозвучал слишком естественно. Дарина первой отвела взгляд и взяла серьги с комода.

Я мог бы подобрать ей платье, поправить волосы или объявить, что сейчас превращу строгого директора в женщину. Все три варианта были бы прекрасным способом закончить брак раньше срока. Вместо этого я спросил разрешения убрать с её плеча тонкую нитку. Она кивнула. Касание длилось меньше секунды, но после него я долго застёгивал часы.

Дарина выбрала платье сама и отказалась от совета пресс-службы добавить более заметные украшения. В серьгах я не разбирался; важнее было другое: узнаваемость пары не требо-

вала менять одного из нас. Мы должны были выглядеть супругами, а не результатом работы стилиста, познакомившегося с нами утром.

Выставка проходила в той же галерее, где я впервые получил предложение жениться. За десять дней Ксения успела заменить часть проводки, перенести две картины и превратить тёмный коридор в постоянную часть экспозиции. У входа уже стояли журналисты. После нашей свадьбы количество аккредитованных изданий выросло почти вдвое.

— Я начинаю понимать вашу коммерческую ценность, — сказала Ксения, встречая нас.

— Выставка хорошая и без семейного скандала, — ответила Дарина.

— Но со скандалом очередь длиннее.

Ксения обняла её, потом меня и сразу убежала решать проблему с каталогами. Марина встретила нас у технического стола с тем выражением лица, которое обычно означало: три проблемы уже решены, четвёртая ждёт. Освещение работало, ведущий был на месте, спонсор доволен, а инвестор прислал второй список вопросов по агентству.

— Сегодня не открывай письмо, — сказала она мне. — У тебя лицо станет деловым.

— У меня есть деловое лицо.

— Именно его я и боюсь.

Дарина слышала, но не стала спрашивать о финансировании. Она знала, что проблема существует, и ждала, пока я сам принесу изменения. Для нас это уже было отдельным видом уважения.

Перед открытием мы прошли по залу. Я проверил маршруты гостей, свет и работу команды. Дарина не ходила за мной следом. Она разговаривала с художниками, помогла Ксении успокоить пожилого коллекционера, чью фамилию напечатали с ошибкой, и согласилась дать короткое интервью после официальной части.

Наблюдать за ней вне офиса было интереснее, чем безопасно. На совещаниях она входила в комнату уже собранной. Здесь иногда забывала держать лицо: смеялась над странной скульптурой, спорила с Ксенией о цене маленькой картины, приседала, чтобы рассмотреть подпись автора. Я видел женщину, которую большинство журналистов не замечало за должностью и фамилией.

За двадцать минут до открытия выяснилось, что спонсорский стенд привезли на полметра шире согласованного. Он перекрывал проход к гардеробу и превращал вход в бутылочное горлышко. Представитель спонсора требовал оставить всё как есть: логотип должен быть виден с улицы, размеры уже утвердило руководство.

Обычно в таких ситуациях люди спорят о статусе, пока гости толкаются у дверей. Я попросил команду развернуть стенд, перенести две лёгкие стойки и освободить боковую стену. Логотип из окна больше не читался. Зато попадал в кадр рядом с главной картиной.

Представитель спонсора сомневался, пока Дарина не показала ему будущий ракурс на телефоне.

— Здесь бренд увидят на фотографиях гостей, — сказала она. — У входа его снимут только курьеры.

Мужчина согласился. Я поймал взгляд Дарины.

— Вы вмешались в мою работу, — заметил я.

— Предоставила факты. Решение принимали вы.

— Тогда благодарю за факты.

Она ушла к Ксении. Похоже, мы уже научились помогать друг другу, не забирая управление. Для десятого дня — неплохой результат.

Первые вопросы нам задали ещё до начала программы.

— Правда ли, что вы зарегистрировали брак через несколько дней после решения вопроса с наследством? — спросила журналистка в красном жакете.

Дарина ответила первой:

— Вопрос с наследством пока не решён. Брак зарегистрирован официально. Остальное относится к нашей личной жизни.

— Но господин Панов получил доступ к финансированию сразу после свадьбы.

Я знал, что формулировка появится. Даже ожидал её. Однако услышать вслух было неприятнее, чем репетировать дома.

— Моё агентство получило временную кредитную линию после проверки документов, — сказал я. — Дарина познакомила нас с инвестором, но не гарантировала решение и не вкладывала личные деньги.

— Значит, выгода всё-таки была?

— Выгода была в том, что я встретил человека, который не обещает невозможного. Для бизнеса это тоже полезное знакомство.

Журналистка улыбнулась, но не отступила.

— А для Дарины Борисовны выгодой стали акции?

Я посмотрел на Дарину. Мы договорились не врать. Но правду можно было использовать как оружие, если вырвать из неё только удобную часть.

— Дарина борется за компанию, которую строила вместе с отцом, — ответил я. — Я борюсь за агентство и людей, за которых отвечаю. Мы знали о проблемах друг друга до свадьбы. Это не делает брак менее официальным и не даёт мне права на её бизнес.

— А любовь?

Вокруг стало тише. Даже Ксения, проходившая с подносом, замедлилась.

Я не собирался говорить, что любовь есть. Не собирался и превращать Дарину в женщину, неспособную вызвать чувство.

— Я уважаю свою жену, — сказал я. — Не каждый быстрый брак начинается с красивой истории. Иногда люди сначала принимают решение, а потом узнают, насколько оно было важным.

Дарина не изменилась в лице. Только её ладонь, лежавшая на моей руке для фотографии, стала теплее.

Интервью закончилось, но фраза осталась со мной. Я произнёс её для прессы и неожиданно услышал сам.

Когда журналисты отошли, Дарина медленно убрала руку с моего локтя.

— Вы хорошо ответили, — сказала она.

— Не слишком романтично?

— Достаточно честно.

Я хотел спросить, какая часть ответа показалась ей честной: уважение, важность решения или мысль, что некоторые истории начинаются после подписи. Не спросил. Вокруг нас были камеры, сотрудники и слишком много людей, готовых превратить одну интонацию в новость.

Вместо этого я предложил воды. Дарина согласилась, и мы несколько минут стояли в служебной комнате среди коробок с каталогами. Она сняла туфлю и проверила пластырь на пятке. Эта обычная, почти домашняя деталь оказалась личнее, чем рука на моём локте перед камерами. Я отвернулся к столу с бутылками.

— Не говорите Ксении, — сказала Дарина. — Она заставит меня надеть её запасные кеды.

— Они серебряные. Пресса решит, что вы переживаете кризис после свадьбы.

— Тогда вы ничего не видели.

— Семейная тайна принята.

Она надела туфлю и вернулась в зал первой. Я задержался на секунду, чтобы напомнить себе: наш брак был соглашением, а не приглашением замечать всё.

Во время официальной части я занял место сбоку от сцены. Команда работала слаженно. Ксения говорила об авторах, гости переходили между залами, свет не гас. Можно было расслабиться хотя бы на несколько минут.

Тогда я увидел мужчину у служебного прохода.

Он не выделялся: серый пиджак, тёмная рубашка, бейдж подрядчика на шнурке. Я запомнил его не по одежде. Два месяца назад он стоял за сценой городского фестиваля и уверял, что конструкции «Север Прайм» приедут через сорок минут. Через два часа мы получили пустую площадку, сорванный монтаж и счёт, который заказчик отказался оплачивать.

Имени я не знал. Тогда он представлялся координатором поставщика и исчез сразу после провала.

Сейчас он разговаривал с одним из гостей, держа в руке телефон. На шнурке висел не только бейдж выставки. Под ним виднелась пластиковая карта с фотографией и синей полосой.

Я подошёл ближе, делая вид, что проверяю проход. Мужчина заметил меня. Узнавание мелькнуло в его глазах, но он тут же отвернулся.

— Мы встречались, — сказал я.

— Не думаю.

— Фестиваль на городской площади. «Север Прайм».

— Вы ошиблись.

Он снял бейдж выставки и направился к выходу. Я не стал хватать его или устраивать сцену среди гостей. Только проводил взглядом и заметил, как пластиковая карта выскользнула из-под пиджака.

На ней было написано: «Речной квартал». Ниже — «временный пропуск».

Я успел сфотографировать карту на телефон, прежде чем мужчина спрятал её и вышел. Дарина подошла через минуту. Она сразу поняла: что-то произошло.

— Что случилось?

Я показал фотографию и рассказал, где видел человека раньше. Без выводов, которых пока нельзя было доказать.

Марина подошла по моему сообщению. Она узнала мужчину не сразу: в день фестиваля видела его только издалека, когда пыталась дозвониться до поставщика. Но название компании подтвердило её сомнения. Мы втроём проверили фотографию, не передавая телефон посторонним.

— Не выкладывай это в общий чат, — сказала Марина. — Сначала сохраним исходный файл и время съёмки.

Я отправил копию ей и Дарине. Оригинал остался в телефоне. Никаких погонь по улице, публичных обвинений и попыток вырвать пропуск. Человек уже ушёл, а нам требовалась понятная цепочка фактов.

Дарина увеличила снимок. На пропуске читалась дата выдачи — три дня назад. Срок действия ещё не закончился.

— Этот человек был связан с провальным фестивалем? — спросила она.

— Он представлял поставщика в день монтажа. После срыва перестал отвечать.

— Вы уверены, что это он?

— Да.

Дарина написала Илье и отправила фотографию. Потом убрала телефон.

— Спасибо, что сказали сразу.

— У нас есть правило.

— Правила не всегда выполняют, когда становится неудобно.

Я вспомнил фестиваль, долги и папку в офисном ящике. Там оставались документы, которые я ещё не показывал ей полностью: я сам не понимал их значения и не считал угрозой. После фотографии это переставало быть только моей проблемой.

— Завтра принесу все счета по фестивалю, — сказал я. — Марина хранит оригиналы.

Дарина кивнула.

В зале заплотировали художнику. Ксения махнула нам, требуя вернуться к гостям. Мы пошли вместе, но ощущение вечера изменилось. Две отдельные неприятности соединились в одну линию.

У человека, который помог утопить моё агентство, был пропуск на объект моей жены.

Глава 9

Дарина

В одиннадцатый день я приехала на «Речной квартал» до восьми утра.

Ночью прошёл дождь. На бетоне блестели лужи, ветер тянул с реки холод, рабочие обходили закрытую обзорную площадку по длинному маршруту. Красно-белая лента вокруг входа выглядела слишком ярко на фоне почти готовой набережной.

Через две недели здесь должны были идти семьи, журналисты и партнёры. Сейчас никого нельзя было подпускать к краю.

Илья ждал меня у временного штаба. Он принёс фотографии креплений, схему площадки и короткое заключение инженеров. Артём приехал почти одновременно со мной. Его агентство готовило открытие этой зоны: сцену, навигацию, работу с гостями. В нормальный день он осматривал бы точки подключения и маршруты. Сегодня шёл рядом молча и не пытался выдавать себя за строителя.

Это имело значение. Люди, которые умеют организовывать праздники, иногда начинают считать, что могут организовать всё. Артём не задавал вопросов ради участия. Ждал, пока специалисты скажут, что знают.

Мы надели каски и прошли к площадке.

— Проблема не только в одном креплении, — сказал Илья. — По проекту здесь должны стоять усиленные узлы. Поставщик привёз облегчённые. Внешне они почти одинаковые, маркировка отличается одной цифрой.

Он показал фотографии. На одном креплении маркировка была выбита сбоку, на другом — сверху. Для меня разница выглядела незначительной. Для инженера означала, какую нагрузку выдержит конструкция.

— Сколько таких узлов установлено? — спросила я.

— Точно не знаем. Видимые проверили выборочно. Из двенадцати пять не соответствуют проекту.

— Что произойдёт при полной нагрузке?

Илья ответил без драматизации:

— Площадка может деформироваться. При неудачном распределении людей — частично обрушиться.

Я посмотрела на широкий настил, подготовленные ограждения и реку внизу. На открытии здесь планировали собрать до ста человек одновременно.

Наступило знакомое спокойствие, которое приходило, когда риск переставал быть предположением. Пока проблема неясна, мозг перебирает варианты; когда она получает форму, остаются действия. Будущая презентация и график исчезли. Перед глазами осталась площадка, на которую собирались пустить людей.

— Закрываем площадку полностью, — сказала я. — Демонтируем доступные узлы и проверяем каждый. До заключения инженеров открытие этой части отменено.

Илья кивнул, будто ждал этого.

Артём посмотрел на схему маршрутов.

— Тогда гостевой путь придётся перестраивать. Сцену тоже нельзя ставить у входа: поток упрётся в ограждение.

— Сколько времени вам нужно?

— Два дня на новый план. Потом согласуем с Ильёй. Но часть уже заказанного оборудования окажется лишней.

— Посчитайте потери.

— Сначала безопасность, потом счёт.

Он сказал это без красивой поддержки и без попытки впечатлить меня. Для человека, чьё агентство жило на отсрочке, лишняя сцена и отменённая зона означали реальные деньги. Я запомнила эту цену не для будущего счёта и не из чувства вины: поступок переставал быть красивым словом, когда рядом лежала смета реальных потерь.

К площадке подъехала машина Евгения. Он вышел без каски и сразу направился к нам. Помощник остался у автомобиля. Евгений не любил свидетелей в разговорах, где собирался давить.

— Мне сообщили, что ты собираешься остановить работы, — сказал он.

— Не работы. Доступ к площадке и монтаж этой зоны.

— На основании предварительной проверки?

Илья протянул ему заключение. Евгений бегло просмотрел первую страницу.

— Здесь написано «требуется дополнительное обследование».

— Поэтому людей туда не пустят.

— Можно заменить пять узлов и продолжить подготовку. Полный демонтаж отбросит нас минимум на неделю.

— Мы не знаем, что их пять.

— А если их действительно пять?

— Тогда закончим раньше.

Он посмотрел на Артёма.

— Вы уже посчитали, сколько потеряет ваше агентство из-за решения жены?

— Пока считаю, как провести открытие без опасной зоны, — ответил Артём.

— Удобно. За ошибки компании заплатит подрядчик с долгами.

Я вмешалась прежде, чем разговор снова превратился в публичное унижение.

— За ошибки поставщика заплатит поставщик, когда мы установим факты. Агентство получит оплату за выполненную работу по пересмотренному плану.

— А не выполненную?

— Не получит.

Артём повернул голову ко мне, но ничего не сказал. Мы оба понимали: часть расходов ему не вернут сразу. Претензии к поставщику займут время. Кассовый разрыв агентства не подстраивался под справедливость.

Евгений снял перчатку и провёл пальцем по краю папки.

— Через две недели здесь партнёры. Если ты сейчас объявишь об опасной конструкции, стоимость проекта пострадает.

— Если конструкция рухнет под партнёрами, пострадает не только стоимость.

— Не нужно делать из технической ошибки катастрофу.

Я встретила его взгляд.

— Так ты говорил про отсутствующие ограждения.

Его лицо изменилось едва заметно. Илья отвёл взгляд к площадке. Артём остался рядом.

— Я не подпишу открытие этой зоны, — сказала я. — Решение принято.

— Совет директоров может оценить твой подход иначе.

— Тогда я покажу им заключение и фотографии. И попрошу каждого письменно подтверждать, что он готов пустить людей на непроверенную конструкцию.

Евгений понял, что спор закончен. Он умел давить, пока риск оставался общим. Личную подпись под ним ставить не любил.

— Ты сама создаёшь себе проблемы, — бросил он.

— Зато знаю, откуда они появились.

Он ушёл к машине. Помощник открыл дверь. Через минуту автомобиль скрылся за строительным ограждением.

Я позволила себе выдохнуть только после этого.

Артём снял каску и провёл рукой по волосам. Он поинтересовался, всегда ли Евгений так поддерживает семейные разговоры. Я признала, что сегодня был мягкий вариант. Это окончательно убедило Артёма в правильности решения не приглашать моего брата на свадьбу.

Илья вернул нас к делу. Мы прошли всю будущую гостевую зону, отметили закрытые проходы и посмотрели, где можно перенести сцену. Артём фотографировал пространство, уточнял ширину коридоров и спрашивал только о том, что касалось людей и оборудования. Когда один из рабочих предложил временно снять ленту, чтобы пронести панели коротким путём, Артём первым остановил его и отправил обходом.

Новая схема складывалась медленно. Вместо площадки над рекой гостям предстояло пройти по внутреннему двору, затем к набережной через широкий проход между корпусами. Виды были хуже. Безопасность — лучше.

Пока Артём измерял проход вместе с техником, ко мне подошёл пожилой рабочий. Он снял перчатку и показал фотографию на телефоне: один из облегчённых узлов уже повело после ночного дождя. Деформация была небольшой, заметной только тому, кто знал, куда смотреть.

— Мы вчера хотели доложить начальнику смены, — сказал он. — Он ответил, что утром всё проверят и не надо поднимать шум.

Я попросила отправить снимок Илье и записать время. Рабочий явно ждал упрёка за поздний доклад, но сейчас важнее было сохранить факт и показать людям, что сообщение об опасности не превращает их в виновных. Я поблагодарила его и попросила впредь сразу идти в службу контроля.

Когда он отошёл, Артём вернулся с рулеткой.

— Ещё один узел?

— Да. Значит, полная проверка была нужна.

Он ничего не сказал о Евгении и не повторил, что я приняла правильное решение. Добавил закрытый участок в схему и убрал оттуда маршрут персонала. Иногда поддержка выглядит так: человек не спорит с твоей ответственностью и сразу перестраивает свою работу вокруг фактов.

— Можно перенести основную программу в двор, — сказал Артём. — Сделать акцент на людях и самом квартале, а не на панораме. Сцену уменьшим. Часть света вернём прокатчику. Но декорации для площадки уже изготовлены.

— Сколько?

Он назвал сумму.

Она была заметной даже для устойчивого агентства. Для его бизнеса — болезненной.

— Включите расходы в пересмотренную смету, — сказала я.

— Компания не обязана оплачивать всё. Часть мы заказали до финального подтверждения схемы.

— Потому что сроки сжатые.

— И потому что я хотел забронировать оборудование раньше конкурентов. Это мой риск. Мне не понравилось, как легко он принял потерю.

— Мы разделим расходы по фактам. То, что заказано под утверждённый план, относится к проекту. То, что вы добавили сами, остаётся вашим.

— Согласен.

— Не нужно соглашаться быстрее, чем вы успели проверить.

Артём посмотрел на меня внимательнее.

— Это забота или генеральный директор во мне подозревает плохую сделку?

— И то и другое.

Слова вышли раньше, чем я успела выбрать безопасный вариант.

Он не улыбнулся и не сделал шаг ближе. Только кивнул.

— Тогда проверю и пришлю расчёт вечером.

Илья позвал нас к снятому креплению. Рабочие уже демонтировали первый узел. На металле была маркировка поставщика: маленький знак в виде северной стрелки и название «Север Прайм».

Артём присел рядом, не касаясь детали.

— Такие же обозначения были на фермах для фестиваля, — сказал он.

— Вы уверены?

— Логотип точно тот. Цифры нужно сравнить со счетами.

Илья сфотографировал маркировку крупным планом и добавил номер участка. Я попросила сохранить все снятые детали отдельно и никому не передавать без записи. Никаких тайных расследований — только порядок, который позволит позже понять, кто и что поставил.

Мы продолжили осмотр. За корпусом шумели инструменты, рабочие укрепляли ограждение, с реки тянуло сыростью. Проект не остановился полностью. Люди продолжали работать там, где было безопасно. Это помогало не чувствовать, будто одно решение разрушило всё.

К полудню инженеры подтвердили: проверять придётся всю площадку. Открытие зоны переносилось минимум на неделю. До следующего совещания оставалось двадцать минут, и Илья отправил нас в штаб погреться.

На столе нашлись чай, бутерброды и пластиковые стаканы. Я открыла ноутбук, собираясь ответить на письма, но Артём положил перед клавиатурой бутерброд.

— Это нарушение границ, — сказала я.

— Нет. Граница ноутбука не прописана в меморандуме.

— У вас слишком хорошая память на удобные пункты.

— А у вас есть двадцать минут и с утра только кофе.

Я могла отказаться из принципа. Вместо этого закрыла ноутбук. Мы ели, стоя у окна штаба, и смотрели, как рабочие разбирают закрытый вход. Артём рассказал, что первая версия нового маршрута будет готова вечером. Я предупредила, что не стану утверждать её без Ильи. Он ответил, что и не предлагал.

Короткая передышка оказалась опасно похожа на настоящую жизнь. Мужчина рядом не пытался развлечь меня или решить мою проблему. Он заметил, что я не ела, и вернулся к своей работе.

После перерыва Артём позвонил Марине прямо при мне. Он объяснил изменения без попытки смягчить цифры. Из динамика донеслась короткая пауза, затем Марина спросила, сколько можно вернуть поставщикам и какие работы сохранить. Ни одного упрека мне.

После звонка Артём признал, что агентство потеряет часть маржи, но сохранит команду и сам контракт. Я сказала, что мне жаль. Он согласился поддержать остановку ещё до того, как узнал сумму, и не собирался предъявлять мне счёт за правильный выбор. Это не делало его потери меньше.

Я посмотрела на закрытую площадку. Красная лента трепетала на ветру, напоминая, что решение уже стало видимым для всех. Отец часто говорил, что руководитель обязан выбирать между плохим и очень плохим. Он редко добавлял, что цену иногда платят люди, оказавшиеся рядом.

— Я не хочу, чтобы ваш бизнес стал побочным ущербом моей войны с Евгением.

— Тогда не решайте за нас. Мы с Мариной справимся со своей частью. Вы справляйтесь с вашей.

В его словах не было дистанции. Скорее обещание стоять рядом, не отнимая мою работу.

На обратном пути в штаб я поймала себя на том, что иду с ним в одном темпе. Не впереди и не позади.

У стола Илья разложил документы поставки. На одном листе стояло название «Север Прайм». На другом — код партии. Артём открыл на телефоне фотографию старого счёта, которую попросил Марину прислать немедленно.

Коды начинались одинаково.

Я попросила Илью снять копии, отметить источник каждого документа и убрать оригиналы в отдельную папку. Артём переслал фотографию Марине и сразу сообщил, где она сделана. Мы не строили обвинение и не обсуждали его при рабочих. На этом этапе порядок был важнее скорости.

Совпадение ещё ничего не доказывало. Один поставщик мог работать с десятками проектов. Но после человека с пропуском на выставке это уже не выглядело случайной деталью.

Артём увеличил снимок и показал мне строку.

— Завтра поднимем весь архив фестиваля.

Я кивнула.

Проблема «Речного квартала» только что получила имя из его прошлого. Теперь она касалась нас обоих.

Глава 10

Артём

Архив провального фестиваля занимал две коробки, одну полку и слишком много места в моей голове. Каждый раз, открывая шкаф, я вспоминал пустую сцену, растерянную команду и звонок заказчика, после которого долг перестал быть цифрой и стал угрозой всему агентству.

На двенадцатый день я приехал в агентство раньше команды. Марина уже сидела в кабинете, окружённая папками и стаканами с кофе. Она разложила счета по датам, выделила цветными закладками договоры и поставила рядом ноутбук с перепиской.

— Я нашла «Север Прайм», — сказала она вместо приветствия.

На столе лежал договор, заключённый за три недели до фестиваля. Поставщик должен был привезти сценические фермы, защитные ограждения и часть временных конструкций. До этого мы с ним не работали.

Поставщик пришёл через рекомендованный список заказчика. Цена была ниже рынка, документы выглядели нормально, и я утвердил договор после проверки Марины.

Она не пыталась переложить решение на меня. И не снимала ответственности с себя. Мы оба подписали договор, потому что хотели удержать бюджет и сроки.

Я открыл переписку. Представитель поставщика отвечал быстро до первой оплаты. Потом начались задержки: машина сломалась, склад перепутал партию, водитель потерял пропуск. В день фестиваля он обещал приехать каждые сорок минут. К ночи перестал брать телефон.

Марина спросила, тот ли это человек, который писал с номера поставщика. Я узнал и голос, и лицо. На фотографии с выставки был его временный пропуск на «Речной квартал», выданный пять дней назад. Почему он получил доступ на объект, Дарина выясняла через Илью. Марина увеличила изображение и выругалась без повышения голоса.

Мы сравнили маркировку со снимков объекта и старые накладные. Код производителя совпадал. Номера партий различались, но начинались одинаково. Это ещё не связывало провал фестиваля с проблемой площадки напрямую. Зато доказывало, что мы имеем дело с одной компанией, которая дважды поставила конструкции для проектов, связанных с нами.

Марина принесла папку с платежами. Первый аванс ушёл вовремя. Второй перечислили после письма от заказчика, который требовал не срывать график. Самым странным был третий счёт — за дополнительную поставку креплений. Мы его не заказывали.

Счёт прошёл вместе с пакетом документов по основному монтажу. Лишнюю строку Марина заметила уже после фестиваля и потребовала возврат. «Север Прайм» ответил, что крепления доставили на площадку и передали представителю заказчика, хотя никто из наших людей их не видел.

Она открыла письмо. К нему был приложен акт с подписью, которую я не узнавал. Представитель заказчика подтверждал получение. Имя было закрыто печатью на скане, но организация читалась: подрядчик, связанный с подготовкой городской площадки.

Знакомое раздражение вернулось. После провала мы искали одну крупную ошибку: сорванную доставку, плохой контракт, нашу спешку. Но проблемы складывались из мелких решений, каждое из которых кто-то провёл через систему как обычное.

— Нужно отправить всё Дарине, — сказал я.

Марина подняла взгляд. Она ждала не эффектного ответа, а решения, за которое мы оба сможем отвечать.

— Всё?

— Счета, договор, переписку, акт.

— Здесь есть наши ошибки. Мы взяли дешёвого поставщика, не перепроверили рекомендацию и оплатили лишнюю строку.

— Она всё равно увидит, если линии связаны.

— Я не про стыд. Документы агентства нельзя просто раздать чужой компании.

Она была права. Наше правило полной информации не отменяло обязанности перед партнёром и сотрудниками.

— Тогда покажем только то, что связано с «Север Прайм», — предложил я. — Без зарплат, клиентов и остальных счетов. Ты будешь на встрече. Копии не передаём, пока не поймём, зачем нужны.

Марина немного подумала и согласилась.

Я сразу написал Дарине: «Нашли договор, счета и странный акт по тому же поставщику. Готовы показать сегодня. Марина будет присутствовать».

Ответ пришёл через минуту: «В четырнадцать у меня. Илья тоже будет».

Ни одного вопроса в сообщении, на который я не мог ответить письменно. Никаких попыток забрать документы или вызвать нас немедленно. За двенадцать дней я начал понимать, как выглядит её доверие: не мягкие слова, а точные границы.

До встречи мы продолжили проверку. Марина нашла первое появление поставщика в почте — короткое письмо с рекомендацией. Отправитель был сотрудником заказчика фестиваля, но исходный список подрядчиков прикладывался отдельным файлом без автора. След мог вести куда угодно и пока не давал нам ничего.

Зато дата оказалась важной. «Север Прайм» появился ровно после того, как постоянный поставщик отказался от проекта из-за слишком короткого срока. Кто-то предложил замену в тот же день, будто ждал освобождения места.

Марина допускала обычное совпадение. Я тоже не мог его исключить, но совпадения редко присылали людей с пропусками на объект моей жены. Марина закрыла ноутбук и сказала, что слово «жена» уже звучит у меня подозрительно привычно. Я сослался на тренировки для прессы. Она, разумеется, не поверила.

Она не стала развивать тему. За это я был благодарен.

К десяти в офис пришла команда. Коробки на столе сразу привлекли внимание: архив фестиваля обычно хранился в шкафу, куда никто не хотел заглядывать. Я не собирался рассказывать сотрудникам о возможной связи с объектом Дарины до проверки, но и изображать обычную уборку не стал.

На коротком собрании я сообщил, что мы повторно проверяем подрядчиков фестиваля и можем запросить старые письма и монтажные листы. Попросил ничего не удалять и не обсуждать за пределами агентства. Один из менеджеров спросил, означает ли это шанс вернуть деньги.

— Пока означает только шанс понять, где мы ошиблись, — ответил я. — Если найдём чужую вину, это не отменит нашу.

Люди разошлись по местам. Никто не выглядел счастливее, но напряжение стало понятнее. После провала я слишком долго пытался поддерживать команду уверенностью, которой у самого не было. Сейчас честное «не знаю» работало лучше.

Марина молча поставила рядом со мной свежий кофе.

— Может, брак действительно полезен, — сказала она. — Ты начал сообщать плохие новости до катастрофы.

— Не делай поспешных выводов по двенадцати дням.

— Я веду статистику.

В офис Дарины мы приехали к двум. Илья принёс журнал выдачи временных пропусков и фотографии снятых креплений. Дарина закрыла дверь переговорной и сразу установила поря-

док: сначала факты по объекту, затем документы фестиваля, в конце — вопросы. Это спасло нас от часа догадок.

Илья сообщил, что пропуск мужчине с выставки оформили как представителю «Север Прайм» для осмотра поставленных конструкций. Заявку подал финансовый блок компании, потому что поставщик должен был подтвердить объём поставки перед окончательным платежом.

— Кто конкретно согласовал? — спросил я.

— В системе стоит учётная запись Ларисы Соколовой, — ответил Илья. — Но заявку мог подготовить её сотрудник. Пока это не означает, что она лично знала человека.

Дарина кивнула.

— И не означает, что Евгений отдавал распоряжение.

Она произнесла это прежде, чем я успел спросить. Ей хотелось найти брата виновным, но она не собиралась подгонять факты под желание. Поэтому я и принёс сюда свои документы.

Марина разложила договор и счета. Она объяснила, где мы ошиблись, не пытаясь выглядеть лучше. Дарина слушала без осуждения. Когда дошли до лишнего счёта за крепления, Илья попросил показать маркировку и дату.

— На объект пришла партия с тем же кодом производителя, — сказал он. — Но поставка оформлена позже. Возможно, один склад или посредник.

— Можно проверить, откуда именно везли? — спросила Дарина.

— В накладных должен быть адрес отгрузки. У нас часть копий в финансовом блоке.

Марина нашла адрес в своих документах. Илья открыл файл поставки по объекту. Адреса совпали.

Несколько секунд мы молчали.

Это ещё не доказывало саботаж. Но две истории уже лежали на одном столе и совпадали не только названием. Один поставщик мог использовать один склад для разных заказов. Теперь у нас была конкретная точка пересечения, которую можно проверять дальше.

Дарина попросила Илью запросить полный пакет документов по поставке и журнал доступа представителя. Затем повернулась к Марине.

— Могу я получить копии трёх страниц: договора с названием поставщика, спорного счёта и акта? Только для внутренней проверки. Доступ будет у меня и Ильи.

Марина посмотрела на меня.

Я не ответил за неё.

— Да, — сказала она. — При условии, что вы не используете наши ошибки в публичном споре с Евгением без предупреждения.

— Согласна.

Они обменялись рукопожатием. Настоящее доверие между нашими мирами начиналось не с меня. Две женщины, каждая из которых защищала свой бизнес, договорились напрямую и без красивых обещаний.

Оставался вопрос, кто внутри компании провёл документы «Север Прайм».

Дарина открыла список платежей по объекту. На экране было несколько согласований. Финальный платёж ещё не прошёл благодаря остановке работ. Аванс и промежуточный платёж одобрил финансовый директор.

Затем она открыла внутреннюю таблицу отклонений по проекту. В ней были суммы, сроки и комментарии подразделений. Я сразу отвёл взгляд от строк, не связанных с поставщиком.

— Здесь закрытая информация, — предупредила Дарина. — Я показываю только раздел «Север Прайм». Эти данные нельзя копировать или обсуждать с сотрудниками агентства.

— Понимаю.

Она развернула экран к нам. В нужном разделе стояла отметка: стоимость креплений превышает первоначальное предложение, но платёж разрешён как срочный. Комментарий добавили из операционного блока. Имени Евгения не было. Только номер внутреннего запроса, который должен был храниться в финансовой системе.

Марина записала номер от руки.

— Это может объяснить, почему ваш поставщик пришёл к нам с такой низкой ценой, — сказала она. — Если он зарабатывал на другом контракте или переводил расходы между заказами.

— Пока это версия, — напомнила Дарина.

— Но уже проверяемая, — ответил я.

Дарина закрыла остальные разделы. Рабочую тайну она открыла мне потому, что наши документы дополняли друг друга, а не из-за статуса мужа. Для неё это, вероятно, стоило больше, чем рука перед камерами.

— Лариса, — сказал я.

— Её электронное согласование, — уточнила Дарина. — Она могла действовать по обычной процедуре. Пока мы знаем только это.

— Вы ей доверяете?

— Я доверяю проверяемым действиям.

Она сохранила файл и закрыла ноутбук. Потом посмотрела на меня.

— Спасибо, что принесли документы сразу.

— Мы так договорились.

— На выставке вы сказали почти то же самое.

— Значит, договорённость работает.

Она закрыла папку с внутренними данными, но не убрала её в сейф сразу. Несколько секунд держала ладонь на обложке.

— Раньше я бы не показала этот раздел человеку вне компании, — сказала Дарина. — Даже если документы его бизнеса были связаны с проблемой. Сначала проверила бы всё сама.

— Почему показали сейчас?

— Потому что вы принесли свои ошибки вместе с доказательствами. Не пытались оставить только удобную часть.

Это был не комплимент в обычном смысле. Для Дарины он значил больше. Я хотел ответить легко, но решил не прятать серьёзность.

— Я не обещаю, что всегда буду делать правильно. Но обещаю приносить плохое до того, как оно станет чужой катастрофой.

Она кивнула. На этом разговор мог закончиться, не теряя смысла.

Дарина хотела убрать папку, но её телефон зазвонил. На экране появилось имя Ларисы.

Она включила громкую связь только после того, как спросила согласия у Марины и меня.

— Дарина Борисовна, — голос финансового директора звучал напряжённо, — мне сообщили, что вы запрашиваете документы по «Север Прайм».

— Да. У нас есть вопросы к маркировке и объёму поставки.

— Платежи проходили в обычном порядке. Все согласования есть в системе.

— Тогда проверка это подтвердит.

Лариса помолчала.

— Я хотела бы сначала обсудить документы с Евгением Александровичем. Проект относится к его операционному блоку.

Дарина посмотрела на строку согласования на экране.

— Обсудите. Но копии пришлите мне сегодня до шести.

Звонок закончился.

Марина медленно собрала свои бумаги.

— Она испугалась.

— Возможно, — сказала Дарина. — Или просто защищает процедуру.

Я посмотрел на её лицо. Она не делала выводов вслух, но уже перестраивала план.

След из моего фестиваля привёл не к Евгению. Пока только к финансовому блоку компании и подписи женщины, которая явно не хотела отвечать без него.

Доказательством это пока не было.

Но совпадением уже не выглядело. У нас появился следующий шаг, конкретный человек, которого нужно спросить, и причина не отпускать эту линию.

Глава 11

Дарина

На четырнадцатый день я вернулась домой в половине одиннадцатого и ещё в лифте решила, что ужин мне не нужен.

Решение было привычным, удобным и совершенно бесполезным: стоило открыть дверь, как из кухни потянуло тёплым хлебом, томатами и чем-то пряным. В прихожей горел мягкий свет. На полке рядом с моими ключами лежали ключи Артёма, а из гостиной негромко играла музыка.

Квартира сегодня больше не встречала меня тишиной.

Я сняла пальто и несколько секунд стояла у двери, прислушиваясь. На кухне звякнула крышка, затем Артём выругался вполголоса. Ничего серьёзного — скорее всего, пострадал соус. От этой простой догадки стало странно легче.

За день я успела провести пять встреч, отменить одну оплату и выслушать от Евгения замечание, что моя осторожность якобы превращает проект в бесконечную проверку. В офисе это не задело. В машине захотелось вернуться и ответить точнее. Оказавшись дома, я вдруг поняла, насколько устала весь день держать каждую реакцию в нужной форме. Здесь не было совета директоров и людей, которые изучали выражение моего лица. Был только запах ужина и мужчина, с которым я заключила брак, чтобы решить деловую задачу.

Ещё неделю назад мысль о том, что кто-то ждёт меня дома, вызвала бы раздражение. Ожидание казалось скрытой претензией: вернись раньше, расскажи, улыбнись, будь благодарна. Артём не писал, когда я приеду, и не звонил с вопросом, где я. Свет в прихожей горел не как требование, а как факт его присутствия.

Он появился в коридоре в домашней футболке и с полотенцем через плечо.

— Вы пришли как раз вовремя.

— Для чего?

— Для ужина. Или для составления акта о его гибели. Пока не решил.

— Мне нужно закончить отчёт.

— Заканчивайте.

Артём не предложил забрать ноутбук, не напомнил, что я опять не ела, и не начал объяснять пользу режима. Вернулся к плите.

Я прошла в гостиную и открыла рабочую папку. После встречи с Мариной и Ильёй мы получили часть документов по «Север Прайм». Лариса прислала их без опоздания, но вместо пояснений приложила короткую записку: платежи проведены по срочным заявкам операционного блока. Кто именно дал распоряжение, в письме не уточнялось.

Днём я дважды пыталась поговорить с ней лично. Первый раз она оказалась на встрече, второй — уехала в банк. Возможно, совпадение. За последние дни совпадений стало слишком много, чтобы я продолжала им доверять.

Я читала одну и ту же строку третий раз, когда рядом появилась тарелка.

— Я не просила, — сказала я.

— Знаю. Поэтому поставил не на документы.

На низком столике лежали паста, салат и кусок хлеба. Артём устроился в кресле напротив со своим ноутбуком. На экране была открыта смета агентства. Он не смотрел на меня и не ждал, когда я начну есть.

Я сделала ещё несколько пометок, отправила письмо Илье и только потом взяла вилку.

Еда успела немного остыть, но всё равно оказалась лучше сыра над раковинной. Я не стала говорить об этом вслух. Артём тоже.

Мы работали почти сорок минут. Он иногда печатал, один раз уходил на кухню, затем вернулся с водой. В комнате не было обязательного разговора и ощущения, что моё молчание нужно исправить. Я не знала, что совместный вечер может выглядеть так: каждый занят своим делом, но дом не кажется пустым.

Один раз ему позвонили из агентства. Артём вышел в коридор, чтобы не мешать, но дверь не закрыл. Я слышала только отдельные слова: смета, доставка, утро. Голос оставался спокойным. Он не обещал человеку на другом конце, что всё решит сам. Попросил прислать данные Марине и сказал, что они посмотрят вместе. Фраза была обычной, но я отметила её. После нашего правила о совместных решениях он применял его не только ко мне.

Когда звонок закончился, Артём вернулся к ноутбуку без рассказа о том, как спасает команду. Я тоже не стала спрашивать. Уважение к чужой работе оказалось возможным без постоянного доступа к ней. Это открытие не должно было удивлять взрослую женщину, но удивляло.

Когда я закрыла ноутбук, Артём сразу сделал то же самое.

— Лариса ответила? — спросил он.

— Прислала документы. На прямой вопрос не ответила.

— И вы собираетесь завтра спросить ещё раз.

— Да.

— Тогда сегодня от неё больше ничего не получить.

Это прозвучало не как приказ закончить работу, а как констатация. Я отнесла тарелку на кухню. На сушилке стояла его кружка. На холодильнике по-прежнему держался магнит из Тбилиси. Рядом появилась маленькая записка со списком продуктов. Всё было аккуратно, но квартира уже не выглядела выставочным образцом моей жизни.

На краю обеденного стола лежала тонкая синяя папка. Я остановилась.

Артём заметил мой взгляд.

— Мой экземпляр меморандума и документы агентства, — сказал он. — Обычно хранятся в нижнем ящике стола в гостевой. Сегодня достал из-за сметы. Сейчас уберу.

Он взял папку, не открывая её передо мной и не предлагая показать содержимое.

— Вам необязательно каждый раз объяснять, где лежат ваши бумаги.

— Необязательно. Но вы смотрите на незнакомые папки так, будто внутри спрятана попытка захвата компании.

Я хотела возразить и не нашла убедительной формулировки.

Артём отнёс папку в свою комнату. Вернувшись, остановился у стеллажа в гостиной. На двух нижних полках не было ничего, кроме альбома по архитектуре и декоративной коробки, которую я не открывала несколько лет.

— Я хотел спросить, можно ли поставить здесь пару книг и маленькую колонку, — сказал он. — В гостиной на подоконнике связь пропадает. Но если общее пространство пока рано менять, оставлю всё у себя.

Он спрашивал всерьёз. Не посмеивался над моими правилами и не превращал просьбу в проверку на нормальность.

— Можно занять две полки, — ответила я. — И один ящик на кухне. Верхний справа от кофемашины.

— Это уже почти доля в недвижимости.

— Не переоценивайте актив.

Он улыбнулся, но поблагодарил без шутки.

Мне вспомнился другой мужчина, который тоже начинал с вещей в моей квартире. Сначала оставил зубную щётку. Потом рубашку, зарядку, папку с бумагами. Каждый новый предмет появлялся без вопроса, будто наше будущее уже принадлежало ему и согласование было формальностью.

Я вернулась в гостиную и села на диван. Артём поставил музыку тише, но остался стоять, давая мне возможность закончить разговор до его начала.

— Мой бывший жених считал вопросы проявлением неуверенности, — сказала я.

Артём сел в кресло, не ближе.

— Тот, из-за которого в таблице кандидатов не было первой строки?

— В том числе.

Мы собирались пожениться три года назад. К тому времени он уже хорошо знал отца, бывал в нашем доме и участвовал в нескольких общих переговорах. Я считала это естественным. Взрослые люди не могут делить жизнь, полностью закрыв работу друг от друга.

Позже выяснилось, что он использовал разговоры со мной, чтобы получить внутренние цифры компании. Никаких секретных файлов он не крал. Я сама рассказывала, где мы планируем строить, с какими подрядчиками спорим и какой проект отец считает слабым. Мне казалось, я делюсь с близким человеком своим днём.

Он передавал эту информацию партнёрам. Они заранее заходили в переговоры с нашими подрядчиками и давили на цену. Затем он предложил объединить часть активов после свадьбы, чтобы «защитить меня от семейных конфликтов». В подготовленном плане защита почему-то давала ему право участвовать в решениях моей компании.

— Как вы узнали? — спросил Артём.

— Он прислал мне документ на согласование. Видимо, решил, что к тому моменту я уже достаточно привыкла к слову «мы».

Я помнила тот вечер слишком подробно. Чашку кофе возле ноутбука. Его уверенный голос. Фразу о том, что в нормальной семье люди не считают, кто кому что дал. И своё имя в документе рядом с формулировкой, которая оставляла меня хозяйкой только на бумаге.

Хуже документа было то, что часть информации я действительно дала сама. Никто не вскрывал сейф и не взламывал почту. Я рассказывала человеку, которого собиралась впустить в жизнь, о неудачных переговорах и планах отца. Иногда он задавал точные вопросы. Я принимала интерес за участие. Когда всё открылось, мне долго казалось, что я не имею права злиться: ведь формально меня не обманывали в каждой отдельной фразе. Моё доверие использовали как бесплатный источник данных.

Свадебное платье уже висело в мастерской. Ксения выбирала картины для небольшого приёма. В календаре стояла дата, и десятки людей считали наше будущее решённым. Отменить всё оказалось легче, чем потом объяснять, почему я не заметила очевидного раньше. С тех пор мне было проще считать близость риском, который можно исключить на этапе планирования.

Когда я отказалась, он объяснил, что действует ради общего будущего. Потом предложил выбрать между недоверием к нему и доверием к семье.

Я выбрала отсутствие свадьбы.

Артём не сказал, что я поступила правильно. Не назвал бывшего мерзавцем и не стал обещать, что сам никогда так не сделает. Пустые гарантии прозвучали бы хуже молчания.

— Он извинился? — спросил он спустя время.

— Нет. Он очень подробно объяснил, почему я всё неправильно поняла.

— Это обычно дольше извинения.

Я усмехнулась. Горечь не исчезла, но перестала заполнять комнату.

— После этого я сменила домашний сейф, пароли и половину сотрудников, имевших доступ к планам, — продолжила я. — Отец сказал, что я должна была раньше понять, чего тот хотел. Наверное, сегодняшнее условие — его запоздалая попытка исправить мой характер.

— Неудачная попытка.

— Вы рискуете оскорбить человека, который сделал вас моим мужем.

— Я ему благодарен за знакомство. Метод всё равно сомнительный.

Он произнёс это легко, но не попытался оправдать отца. Мне давно не приходилось разговаривать об этом без необходимости защищать своё право считать чужую заботу давлением.

— Если мне понадобится информация о вашей работе, я спрошу, — сказал Артём. — Если вы ответите «нет», на этом вопрос закончится. Мой меморандум остаётся в гостевой. Ваши папки меня не касаются, пока вы сами не принесёте их за общий стол.

Я кивнула. Потом встала, сняла с нижней полки декоративную коробку и отнесла её в кладовую.

— Здесь можно поставить книги. На верхней полке тоже.

— Мы договаривались о двух.

— Условия изменились.

Он посмотрел на освободившееся место и не стал делать из этого события. Спустя несколько минут он принёс из гостевой книги, маленькую колонку и фотографию команды агентства. Спросил взглядом, можно ли поставить рамку. Я кивнула.

На снимке люди стояли возле сцены в одинаковых чёрных футболках. Артём был в центре, но не впереди. Марина держала над его головой картонную корону. Живая, немного глупая фотография сделала стеллаж лучше.

Он поставил колонку рядом с книгами и спросил, какую музыку я обычно слушаю дома. Я ответила, что редко включаю что-либо. Артём не стал объявлять это проблемой. Выбрал спокойный плейлист и сделал звук едва слышным. Вскоре я уже не замечала мелодию отдельно от комнаты.

На кухне он переложил свой чай и кофе в выделенный ящик, оставив половину свободной. Я собиралась сказать, что места можно занять больше, но остановилась. Не хотелось превращать каждое уступленное пространство в торжественную вежу. Дом должен был меняться обычными действиями.

Я думала, что на этом вечер закончится. Но Артём не сел. Улыбка исчезла, и я сразу поняла: он ждал подходящего момента не только ради ужина.

— После того, что вы рассказали, будет особенно плохо сказать это сейчас, — произнёс он. — Но откладывать хуже.

Я снова села.

Он принёс синюю папку и положил её на стол между нами.

— Сумма долга, которую я назвал на первой встрече, была не полной. Я сказал о банковской части и ближайшем платеже. Есть ещё требование по фестивалю и обязательства перед подрядчиками. Полный долг почти на треть больше.

Тишина вернулась в квартиру, но теперь она не была спокойной.

Час назад я рассказала ему, почему не выношу, когда близкий человек прячет деловую правду за словами о заботе.

А он признался, что начал наш брак с неполной суммы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.